

Перстень Григория Распутина

Автор:

Юлия Алейникова

Перстень Григория Распутина

Юлия Владимировна Алейникова

Артефакт & Детектив

Волшебник, гипнотизер, святой, экстрасенс – как только не называли Григория Распутина. Обычный крестьянин из маленькой деревеньки стал одним из самых влиятельных людей в Российской империи начала XX века. Кем был старец – злым гением или ангелом-хранителем? Для Дуни Кирилловой он стал другом и спасителем, а уходя в мир иной, Распутин оставил своей подопечной подарок, который защитил ее от ужасов революции и Гражданской войны. Перстень отца Григория охранял Дунину семью, пока не был похищен и из благословения не превратился в проклятие...

Юлия Алейникова

Перстень Григория Распутина

© Алейникова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Расея-то хорошая, тока люди в ней стали уж больно плохи. Благодать исчезла. Веры нет. Тако время наступает, сила православная уходит. Дальше хуже будет, не дай бог дожить до этого. Скоро пойдет человек не хороший, тока слыть будет православным.

Григорий Распутин.

Пролог

17 ноября 1916 года. Санкт-Петербург

– Батюшка, там Дуняша пришла, говорит, бабушке опять плохо, – заглянула в комнату к старцу Григорию дочь Матрена.

– А чего ж не проходит? Веди, – отрываясь от чая, велел Григорий Ефимович. Плечистый, в темной простой рубаше, с воспаленными от бессонной ночи глазами.

– Посетителей много, не пускают ее, я и то еле протиснулась, когда домой сейчас шла, – пожаловалась Матрена, выходя из комнаты. – Надо бы перестать всех пускать без разбору. А то ведь стоят, вроде с виду человек порядочный, а потом возьмет и пакость какую-нибудь про вас в газете напишет, и еще и наврет с три короба.

– Оставь их. Дуню веди, – не послушал, как всегда, отец, и, вздохнув, Матрена выскользнула из комнаты.

– Тятенька! – Дуня, невысокая, тоненькая, гибкая, как ивовый прутик, с огромными васильковыми глазами, упала перед Григорием Ефимовичем на колени, целуя его руку и прижимаясь к ней щекой так крепко, словно надеясь раствориться, спрятавшись в старце от бед мирских.

– Ну, что ты, что ты? – гладил ее по голове тяжелой мягкой рукой старец. – Что всполошилась так?

– Бабушке плохо, боюсь, помрет. Я с ней Митюшу оставила, а сама к вам.

С Дуней Григорий Ефимович познакомился, как только на квартиру въехал. Она с бабушкой и братишкой в том же доме проживала, только во втором дворе, в маленькой квартирке в две комнаты. Родители ее померли один за другим, и года еще не прошло, вот они и бедствовали со старой бабкой. Отец Дунин портным был, много денег при жизни не скопил, а тут еще бабушка расхворалась. Дуне пришлось ученье бросить, искать, где бы на кусок хлеба заработать. По людям сиротка перебивалась, где полы помоем, где белье постирает. Вот Григорий Ефимович ее и разглядел, приласкал, бабушку полечил, а Дуняша от такой ласки и доброты как к отцу родному к нему потянулась. Григорий Ефимович через хороших людей и на работу ее определил в модный Дом Гиндус, один из лучших в Петербурге, да и сам не забывал – когда деньгами поможет, когда одежду младшему справит, обувку обоим. И Матрена с Дуняшей подружились, стали друг к другу в гости заглядывать. Да вот беда, как бы Григорий Ефимович ни старался, бабушка все одно моложе не становилась, возраст свое брал, а Дуняша что, ей едва семнадцать исполнилось, совсем девчонка, тяжело да страшно одной с братишкой остаться.

– Не плакай, ну? Слышь, что ли? Сейчас пойдем. А только недолго уж ей осталось, Господь скоро призовет, – ласково-печально проговорил старец.

Дуня снова уткнулась Григорию Ефимовичу в руку, заливая ее слезами.

– Ну, не реви. Не реви. Чай, ни одна, не пропадешь, – утешал ее грубовато Григорий Ефимович. – Мы рядом, а скоро и человек хороший найдется, посватается, к весне жди. Он вам с Митюшкой и защитой, и опорой будет, и кормильцем. Хорошо жить будете, дружно. Верь мне, – глядя Дуню по голове, рассказывал старец. – А вот еще что, – снял он с пальца большой, массивный перстень с камнем. – Возьми-ка благословение мое. Как венчаются, мужу подари. Он вас всех хранить будет, все напасти с моим благословением переживете. А скоро их будет столько, земля от ужаса загудит, – с тяжелым вздохом проговорил Григорий Ефимович. – Бери вот. На пальце не носи, незачем, на шею, на шнурке повесь, чтоб не завидовали. А теперь пойдем к бабушке.

В приемной, на лестнице, в подъезде толпился люд, и богатый, и бедный, и чиновники, и военные, и крестьяне, и бабы с детьми, и дамы в шляпах с перьями.

– Батюшка, благослови погорельцы, помоги чем можешь! Мужа моего под суд отдали! Сыночек, больной совсем, спаси, батюшка! Не оставь своим благословением! Помоги, батюшка, совсем одолели лихоимцы. Последнее отнимают. Григорий Ефимович, помогите в деле, очень уж дело хорошее, а и мы чем сможем... – И тянут к нему руки просящие, кто с запиской, кто с денежкой, кто с молитвой.

– Хорошо, хорошо, помогу чем смогу, – бормотал старец, рассовывая по карманам записки, беря деньги и тут же раздавая. – Вот вам, раздайте погорельцам. На вот тебе на лошадь, заплати кредиторам. Что у тебя? Сколько здесь? Помогу. На-кось, возьми. Благослови Господь. Помолюсь.

Так вот насилу выбрались.

В квартирке у Дуни хоть и не богато, а чисто, уютно, герань на подоконнике, матушка еще покойница разводила. Салфеточки вышитые, иконы в углу, лампадка горит. Тепло. Бабушка, маленькая, сухонькая, едва видная под одеялом, просияла навстречу старцу.

– Пришел, батюшка. Смилоствовался.

– Ну, будя. Будя. – Садясь рядом, утер ей старческие слезы. – Чего ж ты, Ильинична, опять внуков пугаешь?

– Стара, батюшка, совсем обессилела, встать мочи нет, – снова беззвучно заплакала старушка.

– Сейчас мы тебя поднимем. Сейчас, – бормотал Григорий Ефимович, глядя своими невероятными глазищами в сморщенное маленькое личико. – Вот молитву Боженьке прочтем и встанем. Дуняша, пирогами пахнет, любимыми моими, пекла, что ль?

– Пекла, как знала, что вы придете, – обрадовалась Дуняша. – Откушаете?

– И чаю попью. Тихо тут у вас. Хорошо. Иди, Митюша, помоги сестре на стол накрыть.

Поднял на ноги бабушку старец, так что и чай вышла пить. А потом, как зима началась, помер Григорий Ефимович, не дожил до Рождества. Убили окаянные люди. Уж как Дуняша рыдала, думала, умрет, сердце не выдержит, разорвется. А все ж пережила. А к весне ближе бабушка преставилась. Поплакали они с Митюшей, а потом, весной этой, в середине марта, оттепель была, а потом к ночи подморозило. Дуняша домой с работы спешила, да поскользнулась, ногу потянула, встать не может. Хорошо, добрые люди помогли, подняли, а тут как раз пролетка проезжала, человек из нее вышел, молодой еще, с усами, одет по последней моде. Доктор оказался. Посадил в пролетку, до дому довез, осмотрел Дуняшину ногу, заглянул в глаза ее васильковые и пропал. А в мае повенчались они, все вышло, как Григорий Ефимович сказывал.

Дуняша подарила мужу перстень старца, доктор хоть и не верил в силу его благословения, но подарок жены принял и с пальца никогда не снимал.

Сам доктор Алексей Иванович Платонов оказался человеком добрым, заботливым, в Дуняше души не чаял, Митюшу принял, как родного. Практика у него была хорошая. Зажили они тихо и счастливо, в уюте и достатке до самого тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Глава 1

7 июля 2018 г. Санкт-Петербург

– Ты гляди, кому ж это понадобилось так тихого пенсионера разукрасить? – присвистнул Саня Петухов.

– Ты давай потише, – цыкнул на него Никита Макаров, всеми фибрами души недолюбливавший Петухова за дежурное хамство, цинизм и откровенное презрение к людям.

– Да ладно. Она не слышит. Он как голосит, – отмахнулся лениво Петухов. – Чего скажете, господа криминалисты, чем это его так ловко разделали?

Никита скрипнул зубами. В кресле возле рабочего стола сидел пожилой мужчина, точнее сказать, старик, с разрезанным от уха до уха горлом, и смотрел в потолок мертвыми пустыми глазами. На удивление, его лицо было совершенно спокойно. Грудь убитого была залита кровью, руки свисали с подлокотников кресла.

В соседней комнате плакала жена убитого, такая же старенькая, но все еще подтянутая, очень ухоженная женщина, с милым добрым лицом.

Никита в ожидании, пока эксперты закончат работу, прошел по квартире, осмотрелся. Квартира была славная. Небольшая, четырехкомнатная, гребенкой, такие сейчас спросом не пользуются. К тому же старый фонд, да еще и без капремонта. Но Никите она понравилась. Ощущался в ней какой-то особый уют, тепло, история живших в ней прежде поколений. Вот, например, кабинет, в котором нашли убитого хозяина, словно сошел с фотографии начала века. И паркетные половицы в коридоре, покрытые необычным, свекольного цвета лаком, а может, это мастика такая? Наверняка не менялись со времени постройки дома. Они тихонько скрипели под ногами, и золотистый солнечный луч, проникая сквозь небольшое слуховое окошко в коридор, делал их необычный цвет глубже, ярче. Никите захотелось разуться и пройти босиком по паркету, почувствовать его тепло, шероховатые неровности. Из кабинета донесся очередной неуместный смешок Петухова; Никита смущенно оглянулся и поспешил на кухню.

Кухня была просторной и вполне современной: ровные полы, стены, встроенная мебель, современная бытовая техника. Наверное, дети помогли пенсионерам с ремонтом. В кухне была дверь, ведущая на черный ход. Вполне себе современная дверь, железная, с двумя замками и засовом. Кстати, задвинутым изнутри!

Никита заглянул в санузел, тоже чистенький и современный, убедился, что некогда существовавшее в ванной комнате окно наглухо заложено кирпичом, прошел в хозяйскую спальню, потом в комнату, которая, очевидно, принадлежала когда-то детям супругов Ситниковых, и вернулся в кабинет. Заглядывать в гостиную, где плакала вдова, он не стал, там работал капитан Филатов.

– Слушайте, что вы здесь оба крутитесь? Вам что, заняться нечем? – оторвался от работы криминалист Слава Лукин. – Топайте свидетелей искать, или ждете

индивидуального указания от Филатова? Так он вам выдаст, а потом еще добавит.

Лукин был прав, и Никита с Петуховым вышли на лестницу.

– Ну, че, как поделим?

– Я во двор, – хмуро решил Никита.

– Ну, валяй, а я тогда по квартирам. Эх, грехи наши тяжкие, – крикнул Петухов. – Смотри не прогадай. Здесь на этаже всего по две квартиры.

Зато половина наверняка коммуналки, подумал про себя Никита и поспешил вниз по лестнице.

Адрес квартиры был по Четвертой Красноармейской, но вот парадный подъезд вывел Никиту Макарова на Пятую Красноармейскую. Загадки старого Петербурга, где в подъездах на одном этаже частенько соседствуют квартира номер пять и квартира восемьдесят три, и обе они расположены по разным улицам.

Никита прошел несколько шагов до арки и вошел в виденный им из окон двор. Маленькая детская площадка. Пара лавочек и, разумеется, припаркованные машины. Вечером в этом дворе, наверное, не протолкнуться от плотно набитого личного автотранспорта. Ни одной живой души во дворе не было.

Никита задрал голову и внимательно, с пристрастием оглядел выходящие во двор окна. Стеклопакеты бликовали, противомоскитные сетки скрывали в тени глубины квартир, а немногочисленные старые рамы, сохранившиеся в доме, были закрыты, а окна задернуты тюлем. Да если бы и увидел он пару любопытствующих физиономий, что с того? Убийца-то зашел не с черного хода, не со двора. Делать здесь Никите было нечего. Пришлось возвращаться в подъезд и на пару с Петуховым опрашивать соседей.

Саня Петухов бодро и энергично взялся за дело. Он требовательно и бесцеремонно нажал кнопки электрических звонков сразу в двух квартирах и наслаждался веселым треньканьем, пока из-за одной из дверей не раздался

сердитый крик:

– Это кто там хулюганит? Вот сейчас как вызову полицию, потрезвоните, голубчики!

– А это и есть полиция! – радостно отозвался Санька, довольный произведенным эффектом. Мама неоднократно пеняла Саньке на то, что он и в полицию-то пошел только для того, чтобы безнаказанно безобразничать. Таким уж с детства уродился непутевым.

Но Санька пошел в оперативники не поэтому, а потому, что нравилось ему быть важным, нужным, значимым. С его средненькими способностями и вредным характером, где бы он еще мог преуспеть? Нигде.

– Открывайте, бабуля, уголовный розыск! – повелительно крикнул в дверную щель Саня и развернул перед глазком служебное удостоверение.

– Еще чего! – раздался из-за двери непреклонный ответ. – Буду я каждому шутнику с коркой двери открывать! Нашел дурочку! Беги давай лучше, пока зятя не разбудила, он у меня бульдозерист, рыха шире дверного проема. Он тебе быстро расскажет, кто тут кто! – пригрозила бабуля, и Саньке тут же захотелось взглянуть на зятя, у которого такая солидная рыха, что даже в двери не лезет.

– Бабуля, как же он с такими габаритами в бульдозер залазит? – со смехом поинтересовался Санька.

– Да уж залазит, – проворчала бабка. – Бочком.

– Ладно, а теперь серьезно, – меняя тон, проговорил лейтенант Петухов. – У вас в подъезде совершено убийство, мы ищем свидетелей. Открывайте, надо побеседовать.

– Убийство? – заволновалась бабуса, гремя замками, но дверь приоткрылась только на малюсенькую щелочку, в которой была заметна цепочка. – А кого ж убили-то?

– Соседа вашего из двенадцатой квартиры.

– Из двенадцатой? Алексея Родионовича, что ли? – Старушка побледнела. – Как же так, такого хорошего человека? А Таня что же? Ох ты, господи, надо же к ней пойти, она же там, наверное, одна совсем! – Старушка захлопнула дверь, потом распахнула и приготовилась бежать к соседке.

– Нет, нет, – остановил ее лейтенант. – К ней сейчас нельзя. Часика через полтора. Она сейчас со следователем беседует. А вот мне лучше скажите, вы сегодня в районе часа никого в подъезде не встречали?

– Около часу? – задумалась старушка. – Нет, не видала. Я около часу обед готовила, внука из школы ждала. Я с утра в магазин сходила, а уж с одиннадцати дома была. Даже к окну не подходила, котлеты у меня сегодня и борщ, некогда было.

– Хорошо, а в одиннадцать в подъезде и возле подъезда никого не наблюдали? Может, кто-то без дела возле вашего подъезда прогуливался или в парадной газеты по ящикам распахивал?

– Гм. Да вроде нет. Ничего такого, – хмурясь от натуги, соображала старушка. – Вот только когда домой шла, Шуру из седьмой квартиры встретила. Она в поликлинику шла. Вот и все, пожалуй.

– Шура из седьмой? – повторил лейтенант. – Ясно. Вот вам моя визитка, если что вспомните или услышите, сразу звоните.

– Ладно. А к Тане, значит, через полтора часа?

– Да.

– Постой, сынок. А где его хоть убили, на улице или в подъезде?

– В квартире, – ответил лейтенант, решив, что пронырливая старуха все равно все узнает, смысла темнить нет.

– Ох ты, батюшки! А родным-то сообщили?

– Кому это?

– Ну как, сыну с дочерью.

– Этим занимаются другие сотрудники, – неопределенно ответил Санька. – Там крови много, вы потом помогите жене прибраться, – добавил он, проявив удивительное человеколюбие.

– Конечно, конечно. Поможем! Такое горе, – качала головой старушка, запирая двери.

Шура из седьмой квартиры долго не открывала, Санька уж уходить собирался, а потом выползла к нему очень толстая, сонная, какая-то дебилая баба, которая совсем ничего не видала, и не слыхала, и вообще у нее давление, в глазах темно, в ушах звенит. К убийству интереса ровно никакого не проявила, только и сказала, что «а-а». Вот и весь результат. Еще Сане повезло застать дома молодую мать с орущим на руках грудным ребенком, которая тоже, разумеется, ничего не видала и не слыхала. А больше дома никого застать не удалось.

– Ну, что у тебя? – встретив возле квартиры убитого Ситникова Никиту Макарова, спросил Саня.

– Негусто. Застал дома троих, и те ничего не видели, – поделился Никита.

– Ладно, пошли, получим от начальства ЦУ и нахлобучку.

– За что это?

– Не за что, а зачем, – поправил его Саня. – Для порядка.

– Ну, что, коллеги-сыщики, подведем неутешительные итоги? – с оптимизмом заживо погребенного проговорил законченный скептик и пессимист капитан Филатов. – Свидетелей нет, улики тоже, дело пахнет глухарем, начальство глухари не любит. Быть нам без премии. Какие есть идеи?

Никита к капитану и его зауспокойным речам давно уже привык и к сердцу, как в первые месяцы своей работы в СК, не принимал. Потому что, несмотря на

бесконечные сетования и скорбные речи, дело свое капитан Филатов знал, раскрываемость у него была самая высокая в отделе.

– А что идеи, – проговорил развязно сидящий верхом на стуле Санька Петухов, – идеи самые обычные. Сейчас изучим, чего там криминалисты понаписали, потом опросим родственников и друзей, а там видно будет. Чего криминалисты понаписали?

– Чего? На вот, ознакомься, – кинул ему на стол папочку капитан.

– Ага. На орудии убийства отпечатки отсутствуют. Дверь открыта ключом, следов взлома нет. Орудие убийства убийца принес с собой. Нож китайского производства. Будем искать магазин, где приобретен?

– Попробуйте. Он мог быть приобретен и за год до убийства, и за два, – безнадежно заметил капитан.

– Ладно. Поработаем. Пропал перстень. Золотой, с сапфиром, старинный, достался от отца и деда. Уже интересно, – отрывая глаза от заключения, проговорил Саня. – Больше ничего, кроме перстня, не пропало, это ж не просто ниточка, канат!

– Гм. Только вот, по свидетельству вдовы, перстень хоть и был старинный, но не особо дорогой. Если бы свистнули деньги, телик, украшения, может, и подороже бы вышло.

– Значит, убийце понадобился именно перстень. Или не понял, сколько он стоит. Или не успел прихватить остальное, кто-то спугнул, – перечислял возможности Саня.

– Может, – кисло согласился капитан.

– Ну вот. Есть с чем работать. Орудие убийства и нож, – подвел итоги Саня Петухов. – А еще пишут, что работал не профессионал. В том смысле, что не хирург и не мясник. А так, дилетант. Сам-то покойничек хирургом был, и сын его тоже. Значит, сына и коллег покойного исключаем.

– Это хорошо, а то пришлось бы всю больницу, где покойный работал до пенсии, перетряхивать, а потом всех сокурсников и половину приятелей, – заметил Никита.

– Ну да, – согласился, слегка приободряясь, капитан. – Ну чего: родственники, знакомые, соседи, магазины «Все для дома» и антикварные магазины и скупки с уклоном в сторону последних?

– Именно, – бодро захлопнул папочку с заключением экспертов Саня. – Встали – поскакали! – Он являл собой естественный противовес капитанскому пессимизму.

И они встали и вышли из кабинета.

Глава 2

8 июля 2018 г. Санкт-Петербург

Свежий летний ветер носился над невским простором; расправив крылья, он шевелил густую листву на стрелке Васильевского острова, надувал колоколами пышные юбки невест, срывал лепестки цветов с букетов и швырял их в акваторию, по которой носились маленькие юркие катера. Неспешно, покачиваясь, плыли по невской глади плоские пассажирские суденышки, торопясь укрыться от волн и ветра в спокойных водах Фонтанки и Мойки, стремительно неслись «Кометы» и «Метеоры», торопясь доставить пассажиров в Петергоф и Кронштадт. Солнце играло на ряби мелких волн, чайки носились, расправя на просторе крылья, посмеиваясь над робкими толстыми голубями, прохаживающимися в тихих скверах, и маленькими нахальными воробышками, снующими тут же с бойким чириканьем.

Ветер взлетал к шпилью Адмиралтейства, играя с золотым корабликом на вершине иглы. Проносился по набережным и пугливо заглядывал во дворы и переулки.

Горожане радостно подставляли лица под эти свежие дуновения, ища в них облегчения от палящего зноя, льющегося на них с абсолютно безоблачного ярко-голубого неба, и жарких изнуряющих волн, поднимающихся от раскаленного асфальта.

Среди этих несчастных брел и Никита Макаров, поскольку личным автотранспортом он обзавестись еще не успел, а служебного сегодня раздобыть не удалось.

– Нет, прав отец, надо оформить кредит, – ворчал себе под нос изнывающий от жары Никита. – И взять хоть «Ладу Приору», хоть «Логан», лишь бы ездил. Уж как-нибудь проскриплю, родители с голоду помереть не дадут. Зато не пешком, как сирота казанская.

Сегодня петербургская погода выдала очередной неожиданный кульбит и вместо привычных пасмурных, унылых плюс пятнадцати, с которыми горожане смирились, приняв как данность, что лета в этом году не будет, вдруг выдала на столбике термометра двадцать девять, а то и все тридцать градусов, превратив город в подобие пекла.

Никита из последних сил стремился достичь нового здания Боткинской больницы, расположившегося на самом краю города, возле крематория. Очень символично, желчно размышлял про себя Никита, только что выбравшийся из раскаленной маршрутки. Метро рядом с больницей не имелось.

– Здравствуйте, – жестко, с трудом справляясь с плещущимся в нем раздражением, процедил Никита, демонстрируя дежурной медсестре служебное удостоверение. – Мне доктора Ситникова.

– А он, наверное, уже ушел, – отрывая от экрана компьютера равнодушный взгляд, сообщила сестра.

– Что значит – уже ушел? У вас до скольких рабочий день в больнице, что, в три часа дня ни одного врача на месте нет?

– Что вы так возмущаетесь? Родион Алексеевич очень востребованный врач, он еще в нескольких клиниках консультирует, – пожала плечами мало впечатленная девица.

– В других? А у вас он что, на полставки трудится? – В отделении больницы исправно работал кондиционер, было освежающе прохладно, тихо, и Никита почувствовал, что его боевой запал иссякает. Но к счастью, его последний вопрос заставил девицу оторвать от стула свою упругую задницу.

– Ну, хорошо, я посмотрю, может, он еще и не ушел, – недовольно пообещала она, отправляясь в глубь коридора.

– Куда катится мир? – закатил глаза к потолку Никита. – Если даже удостоверение личности сотрудника правоохранительных органов не может заставить вот такую вот медсестру оторваться от монитора компьютера и заняться делом? Больные ее, наверное, и вовсе дозваться не могут.

Возмущенный Никита перегнулся через стойку и развернул к себе экран компьютера. Так и есть, девица с кем-то чатится в соцсетях. Разгильдяйка.

– Молодой человек, это вы меня спрашивали? – раздался за спиной у Никиты глубокий, уверенный голос.

– Ситников Родион Алексеевич?

– Совершенно верно, – подтвердил моложавый подтянутый доктор с седеющими висками, густой светлой шевелюрой, загорелый и успешный. Успешностью от него просто в нос шибало. Может, из-за загара, а может, из-за прически или широких плеч и спортивной фигуры, которую не скрывал даже халат.

– А мне девушка сказала, что вас уже и на месте нет. Еле уговорил сходить, проверить, – ехидно глядя на девушку, сообщил Никита. И увидел, как та вспыхнула.

– Полина, что это значит, разве вы не знали, что до пяти я на месте?

– Извините, – буркнула та. – Перепутала.

– Наверное, Полине не хотелось отрываться от переписки «ВКонтакте» с молодым человеком, – никак не мог остановиться Никита в мстительном желании проучить лентяйку.

Ситников строго взглянул на девицу и холодно проговорил:

– Полина, зайдите ко мне, когда я закончу с молодым человеком.

Полина наградила Никиту уничижительным взглядом, а он ей в ответ весело подмигнул. Вот так, голубушка.

Если бы он ее послушался с первого раза, то вынужден был бы завтра снова пилить в больницу через весь город по такой жаре.

– Проходите, молодой человек, – распахивая дверь кабинета, пригласил Ситников. – Присаживайтесь. Я правильно понял, вы по поводу гибели отца?

– Да.

– Слушаю вас. Кстати, может, минералки? – внимательно посмотрев на красное лицо молодого оперативника и его взмокшую шевелюру, гостеприимно предложил Ситников, чем тут же вызвал глубокую симпатию Никиты.

– Если можно.

Ситников достал из маленького холодильника бутылку боржоми, из шкафа два стакана. Никита хлебал холодную минералку неприлично жадными глотками, чувствуя себя верблюдом, только что пересекшим пустыню Гоби. Или что они там пересекают?

– Итак, слушаю вас, – вежливо дождавшись, когда гость утолит жажду, подтолкнул Никиту к делу Родион Алексеевич.

– Я, собственно, хотел с вами побеседовать по поводу перстня, ведь это единственный предмет, пропавший с места преступления, – краснея от смущения, проговорил Никита, мучимый совестью. Ему было жаль огорчать любезного Родиона Алексеевича, проявившего к нему столько понимания. – Может, у вас есть какие-то подозрения? Кто-то из знакомых...

– Понимаете, Никита Александрович, – откидываясь на спинку кресла и складывая перед собой руки, проговорил доктор Ситников, – этот перстень хоть и старинный, работа самого начала двадцатого века, но никакой особенной ценности не представляет. Рядовое изделие, не особенной тонкости исполнения, и редких камней в нем нет. Он был дорог нам как семейная реликвия. Кому еще он мог понадобиться, представления не имею. Что касается наших знакомых, уверяю вас. Это все приличные, уважаемые люди, которые не способны даже на мельчайшее правонарушение, ну разве что парковка в неположенном месте, и то только под давлением экстренных обстоятельств.

Чего-то подобного Никита ожидал.

– Но вы согласны, что вашего отца убили именно из-за перстня?

– Не совсем, я думаю, человек, который на него позарился, просто не разбирался в ювелирных изделиях.

– Почему же тогда он не взял деньги, драгоценности вашей матери? – не отставал Никита.

– Украшения моей матери – это две цепочки, одна из которых была на ней, вместе с золотым нательным крестиком. Простенькая подвеска. Обручальное кольцо, которое также было на ней, пара колец, один старомодный перстень с искусственно выращенным камнем, две пары сережек, одни из которых, опять-таки, были на ней в день убийства. По сегодняшним меркам, это сущая чепуха.

– Согласен, но ведь и перстень стоил не миллионы, и вообще, на что мог рассчитывать обычный вор, залезая в квартиру двух скромных пенсионеров?

– Вы правы, – вынужден был согласиться Родион Алексеевич. – Даже не знаю, что сказать. В ваших рассуждениях есть определенная логика, но вот представить, что кто-то из наших знакомых, из знакомых отца мог совершить такое?

– Кстати, экспертиза показала, что убийца орудовал ножом крайне неумело, – вспомнил Никита.

– Вы намекаете, что это не мог быть врач? Во всяком случае, не хирург. То есть бывшие коллеги отца отпадают? – полуутвердительно проговорил Родион Алексеевич.

– Выходит, что так.

– Это значительно сужает круг подозреваемых, как говорят в детективах, но все же... Вы наверняка уже беседовали с матерью и взяли у нее на изучение записную книжку отца?

– Да.

– В таком случае вы должны были заметить, что знакомые родителей – это исключительно благополучные, уважаемые люди. Я даже не могу вообразить, что могло бы толкнуть кого-то из них на преступление?

– Вера в человечество – это прекрасно, но все же постарайтесь подумать о них непредвзято, – посоветовал Никита. – Иногда преступниками оказываются самые неожиданные люди, на которых в жизни не подумаешь.

– Разумеется. Хотя в данном случае... Но я обещаю вам подумать.

Все родственники убитого Ситникова имеют алиби и не имеют мотивов. У покойного не было врагов. Он был тихим славным пенсионером.

Будучи скептиком и пессимистом, капитан Филатов не бегал по городу, как лейтенанты Макаров и Петухов. Не искал свидетелей, не опрашивал подозреваемых. Он сидел у себя в кабинете и, подперев рукой худую бледную щеку, думал.

Думал о том, что в этом дурацком деле, которое свалилось ему на голову, слишком много вопросов и никаких ответов.

Например, как убийца проник в квартиру? Было очевидно, что покойный дверь убийце не открывал. Следов взлома эксперты не обнаружили. Конечно, вдова убитого сообщила, что несколько месяцев назад она потеряла ключи. Замки они

с мужем менять не стали. Но если предположить, что ключи вытащили намеренно, значит, и убийство было спланированным и преднамеренным.

И что же было его целью? Из квартиры ничего не пропало, кроме перстня с руки убитого. Значит, обычная кража отпадает. Мечь?

Кто решил свести старые счеты? Вряд ли у скромного пенсионера могли быть с кем-то свежие счеты. Выходит, старые. А если человек ждал долгое время, чтобы отомстить, и не просто отомстить, а убить, значит, дело было нешуточное.

А если все-таки кража? Залез не профессионал, а какой-нибудь наркоман, убил старика, стянул перстень, хотел украсть еще что-то, но его спугнули? Например, соседка в дверь позвонила или почтальон в домофон? Преступник занервничал и сбежал.

А как же тогда нож? Взял на ограбление так, на всякий случай? Не складывается.

Значит, наиболее вероятная версия мечь. Капитан Филатов вздохнул. Где искать этого мстителя? Сколько лет он сидел, затаившись, и ждал своего часа? Копать придется глубоко и долго.

А может, все-таки кража? Как бы было легко и просто, будь у Ситниковых внук наркоман. Так ведь нет. Внук у них в Военно-медицинской академии учится. Приличный парень, и алиби у него. Впрочем, как и у всех родственников.

Филатов еще раз вздохнул, потом потянулся за пиджаком. Надо ехать в больницу, за биографией Ситникова. Потом к вдове, восстанавливать поэтапно жизнь доктора Ситникова, с возможными подробностями. Искать соучеников, сокурсников, коллег, больных, бывших возлюбленных. Тайных любовниц. С ними особенно сложно, потому что тайные. Короче, рыться в чужом грязном белье.

Вот уговаривала его жена отпуск в середине лета брать, а он, дурак, на август заявление написал, разбирайся теперь с этим убиенным Ситниковым. Точно глухарь будет, а премии как раз не будет.

Саня Петухов все утро носился по магазинам Адмиралтейского и Московского районов, торгующим хозяйственными товарами, предъявлял нож, орудие убийства.

– Нет, таких у нас давно не было, – качали головой продавщицы.

– Таких у нас не было.

Или:

– Да было вроде несколько штук, только не помню когда, может, еще и сейчас на складе остались.

А еще имелись гипермаркеты, супермаркеты и магазины в других районах города. И даже пригороды. Мертвый номер.

Саня вышел из очередного магазина, свернул в арку и, присев во дворе на лавочку, задумался о бесполезности собственных занятий. Нет, обегать магазины района, конечно, придется, иначе капитан с живого не слезет, а вот что дальше?

Мимо задумчивого Сани прошла, покачивая бедрами, девица в ярких босоножках на высокой платформе, в очень коротеньком открытом сарафане, фигурка у девицы была что надо. Если б не служба, можно было бы пристроиться в хвост и взять на abordаж. Со своей последней пассией Викой Стрижовой Саня расстался уже больше месяца назад, пересобачились из-за ерунды. Впрочем, с девицами всегда так, какой-то неправильный у них менталитет, из-за ерунды скандал до небес раздуют, а на что-то по-настоящему важное и внимания не обратят.

Жаль, что убитый Ситников был пенсионером, а то бы шерше ля фам, и дело в шляпе.

«Эх, кто же его грохнул, деда этого? – маясь от жары, скрипел мозгами Саня. – А может, его своя же старуха пришила? – усмехнулся он. – Славное такое семейное дельце».

Увы, это была явно не старуха, у той было железное алиби, со свидетелями.

Может, еще свидетелей поискать? Вчера они с Никитой Макаровым прошлись по соседям, но половины не было дома. Может, сегодня счастья попытаться? Что по магазинам ходить время гробить, что соседей обойти, тем более что до дома Ситниковых было пятнадцать минут ходу. И Саня, покинув жиденькую тень чахлого деревца, под которым сидел, отправился на Четвертую Красноармейскую.

– Да, да. Я слышала, – сокрушенно кивала головой пухленькая краснощекая женщина в ярком ситцевом сарафане, проживавшая этажом ниже Ситниковых. – Горе какое! Такой хороший человек, отзывчивый. Всегда к нему можно было обратиться, если с лекарством что-то не ясно или заболело чего. Никогда не отказывал, все объяснит, посоветует.

– И многим он советовал?

– Да всему подъезду. У нас подъезд небольшой, все друг друга знают, новых жильцов давно уже не было, все свои. Вот на пятом этаже у нас юрист живет, Евгений Иванович, на втором Володя – электрик, и вот Алексей Родионович был. Мы все друг другу помогаем, если что.

– Очень похвально. Ну а вы чем соседям помогали?

– Я-то? Да ничем особенным. Если вот только заболеют – в магазин сходить или в аптеку, а так я технолог, на производстве всю жизнь отработала. С меня пользы никакой, – смущенно пояснила пампушка.

– Ну а в день убийства вы что интересного заметили, может, почтальона или чужого человека возле подъезда?

– В день убийства? Вчера-то есть? Ну вообще-то я вчера, когда из дома уходила, мы с Алексеем Родионовичем на лестнице встретились.

– Так-так.

– Вместе до угла с Московским проспектом дошли, потом я к метро повернула, а он направо в магазин. Татьяна-то Олеговна, жена его, сейчас все время к внучке ездит помогать, ребенок у нее родился недавно, Алешей назвали в честь

прадеда.

– Не отвлекайтесь, – бесцеремонно напомнил Саня.

– Ах, простите. Так вот. Дошли до Московского. И пока шли, я заметила. Беспокойный он какой-то. Все чего-то оглядывается, отвечает невпопад.

– Может, он боялся кого-то?

– Не знаю, – пожала плечами пампушка. – Я его даже спросила, мол, чего он? А он говорит, показалось, что знакомый сзади идет.

– Знакомый? А какой знакомый, не говорил? Может, по работе или старый приятель?

– Нет. Просто сказал – знакомый. И не знакомый даже, а показалось.

– Гм. В каком месте это было?

– Да вот от нашего дома как по Пятой идти, считайте от угла нашего дома и почти до самого проспекта оглядывался, я уж потом и не выдержала, спросила. А то я ему про давление свое рассказываю, а он вроде как и не слушает. А мне же надо точно знать, принимать что или так, само пройдет, – с легким возмущением припомнила пампушка. И Саня в очередной раз убедился в беспредельном человеческом эгоизме.

– Понятно. А вы сами не оглянулись?

– Оглянулась.

– И что увидели?

– Да ничего особенного. Шел за нами какой-то хмырь, – равнодушно пожала плечами пампушка, так что Саня едва сдержался, чтобы не дать ей разок.

– Что за хмырь, как выглядел?

– Да старый уж. Высокий такой. Плохо выбритый. Да что я, помню? Алкаш алкашом!

– Вот что, гражданочка, собирайтесь, сейчас же едем к нам составлять фоторобот. – Устал от ее «да что? да как? да какой?» Саня.

– Вот еще! У меня давление. Варенье на плите. Сноха опять вчера с дачи ягоды прислала, мне еще второй раз кипятить. И сериал скоро начнется. Не поеду я никуда!

– Фамилия! – грозно рыкнул на толстуху Саня.

– Курочкина, – вздрогнув, пискнула дамочка, выпучивая глазки.

Саня едва не прыснул – ну как нарочно.

– Значит, так, Курочкина, мы не в бирюльки играем, а убийство расследуем. Не желаете добровольно ехать? Я сейчас наряд полиции вызову, и вас силой в наручниках отвезут, да еще и задержат за препятствие следствию! Пусть соседи полюбуются, – запугивал дрожащую, как желе, толстуху Саня, стараясь не выдать себя улыбкой.

– Слышь, Ромка, а куда Филатов подевался, я тут тетку одну привез, фоторобот рисовать, а его нет, – заглядывая в соседний с Филатовым кабинет, спросил Саня, оставив Курочкину сидеть в коридоре.

– Откуда я-то знаю, звякни ему на мобильник, – не отрываясь от бумажек, буркнул Ромка.

– Не отвечает. Ладно, мы пока фоторобот составим, а потом, если он не явится, сам с ней поработаю, – с сожалением решил Саня, очень рассчитывавший резанутся перед начальством. Ну, нет так нет.

– Молодец, Петухов, – рассматривая составленный со слов Курочкиной фоторобот, покивал головой Артем Денисович, когда, вернувшись в управление, встретил в коридоре сияющего Саньку. – Значит, это было утром в день убийства. Любопытно. Вот что. Надо сегодня же показать этот рисунок

Ситниковой, может, узнает кого-нибудь, а на завтра вызвать к нам всех членов семейства, вдруг кто из них опознает. И кстати, покажи уж заодно соседям. Так, на всякий случай, – посоветовал капитан голосом, полным безнадёжности.

Но Санька капитана знал не первый год, а потому бодрости духа не утратил, а, прихватив рисунок, поспешил обратно на Четвертую Красноармейскую.

– Нет, я такого человека никогда не видела, – покачала головой Татьяна Олеговна, высокая, подтянутая, несмотря на жару, одетая во все черное.

– Вы все же подумайте. Это даже не фотография. Может, хотя бы похожий человек вам знаком, – не отставал от нее Саня.

– И похожих не знаю. Правда, если хотите, я могу дать вам наш фотоальбом, посмотрите сами. Конечно, там не все наши знакомые, но вдруг вам повезет. А может, вы найдете этого человека среди ранних фотографий мужа, сделанных еще до нашей свадьбы.

– Давайте, – энергично согласился Саня, твердо придерживающийся в жизни принципа: «Хочешь сделать хорошо? Сделай сам».

Увы, как ни пытался Саня разглядеть на старых черно-белых снимках среди молодых парней и девушек непривлекательного старика с впалыми щеками и длинным подбородком, ему это не удалось. То ли с фантазией у него было напряженно, то ли его там не было.

– Не устали еще? – входя в комнату, заботливо спросила Татьяна Олеговна. – Вы почти три часа с альбомами сидите. Пойдемте, я вас хоть чаем напою, угостить вас особенно нечем, не до готовки сейчас, но бутерброд сделаю.

И только тут Саня понял, до чего устал и проголодался. Он хрустнул занемевшей шеей, потянулся и с радостью порысил на кухню вслед за хозяйкой.

19 июня 1936 года. Ленинград

– Андриан Дементьевич, убийство на Четвертой Красноармейской. Наши уже в машине сидят! – Заглядывая в кабинет, скороговоркой выпалил Вася Трофимов.

По лестнице на четвертый этаж взлетели в секунду, только топот ног гулким эхом прогрохотал под сводами старинного подъезда. Дверь им открыла заплаканная женщина, маленькая, худенькая, с невероятными васильковыми глазами.

– Уголовный розыск, – первым, входя в квартиру, коротко представился майор Колодей. – Где убитый?

– В кабинете, – всхлипнула женщина и торопливо повела оперативников из крошечной прихожей по темному узкому коридору со скрипучими половицами. – Вот.

Она распахнула дверь в небольшую комнату с низкими подоконниками и тяжелыми гардинами. За простым рабочим столом, откинувшись в кресле, сидел мужчина и смотрел в потолок застывшими мертвыми глазами, с кончиков пальцев его безвольно висящей руки капала редкими густыми каплями кровь.

– Мать твою! – не сдержался Игнат Петрович, самый старший в отделе опер, пришедший в милицию еще в семнадцатом году сразу после революции и декрета «О рабочей милиции». И хотя больших званий он не выслужил, но опыт имел огромный и пользовался заслуженным авторитетом среди товарищей.

– Горло перерезали, – подходя к телу, констатировал очевидное Яша Чубов. – Вон и нож валяется. Вам знаком этот ножик, гражданочка?

Женщина молча, торопливо закивала, изо всех сил закрывая себе рот платком, чтобы не разреветься в голос.

– Это муж ваш? – обратился к ней майор.

Снова кивок.

– Пройдемте в другую комнату, – предложил ей майор. – Яков, проводи. Я сейчас осмотрюсь и приду, а ты пока воды гражданке налей.

– Горло-то мастер резал, ишь, как ровненько, – крикнул, наклоняясь над телом, криминалист Володя Торопкин. – Вжик, и готово. Осторожней, ребятки, не суйтесь пока.

– Да, давайте-ка на поиски свидетелей, – поддержал криминалиста майор Колодей, разглядывая покойного. Седой, хоть и не старый еще, с усиками, в костюме, сразу видно, из служащих. Чего он там почитывал? Сепсис... воспаление... Доктор, значит.

– Ладно, Володя, ты работай, я пока с женой пообщаюсь. А работа и вправду чистая, – еще раз взглянув на тело, согласился майор. – Кровищи-то натекло, мама дорогая.

Андриан Дементьевич вышел в коридор. В квартире стояла удивительная тишина, в солнечном луче, льющемся в коридор сквозь маленькое слуховое окошко, клубились пылинки, натертые паркетины отливали свекольной краснотой. Небогато жил покойник, ничего ценного майор пока не заметил, может, кроме письменного прибора на столе, но все же своя квартира. Четыре комнаты, окошки все во двор, гребенкой, в конце коридора ванная с уборной. В ванной окошко на лестницу. Но оно намертво заколочено. И правильно, не те сейчас времена, окна настежь держать. С кухни черный ход, замочек слабенький, на крюк, видно, ночью закрываются, осматривался майор. Доктор, значит, не спеша размышлял он, разглядывая узор на плашках паркета, высвеченный солнечным зайчиком. Ладно, хватит прохлаждаться. Одернул себя Андриан Дементьевич, пора с вдовой побеседовать.

– Майор Колодей Андриан Дементьевич, – усаживаясь за столом напротив хозяйки, представился он. – А вас как звать-величать?

– Платонова Евдокия Андреевна, – глядя себе в колени, тихо ответила женщина.

– А мужа вашего как зовут?

– Платонов Алексей Иванович. Доктор, в Мариинской больнице работает, простите, в больнице имени Куйбышева, – бесцветным голосом рассказывала

Евдокия Андреевна. – Недавно его заведующим отделения назначили.

– А вы где работаете?

– Я? Портнихой в ателье Ленинградодежды.

– Кто еще проживает с вами в квартире?

– Никто. Только сын Родион. Но его сейчас нет, на рыбалку с ребятами ушел. Не знает еще, что отца...

– Сколько лет сыну?

– Шестнадцать, – снова утыкаясь в платок, сквозь слезы ответила Евдокия Андреевна.

– Евдокия Андреевна, расскажите, пожалуйста, как все случилось? – протягивая вдове стакан воды, принесенный Яшей Чубовым, попросил майор ласковым голосом.

Она торопливо и шумно сделала несколько глотков.

– Алеша сегодня с работы пораньше пришел после дежурства. А я сегодня чуть раньше освободилась, клиентка одна на примерку не пришла, вот меня заведующая и отпустила. Хотела мужу пораньше ужин приготовить, – всхлипнула она тихонечко, но тут же взяла себя в руки. – Пришла, открыла своим ключом, позвала его из прихожей. Он не ответил, ну, я подумала, может, отдыхает, пошла тихонечко на кухню, разобрала покупки, поставила чайник, пришла в кабинет его позвать, а он... – Тут Евдокии Андреевне снова отказала выдержка, и она заплакала тихо, подрагивая узенькими плечиками. Когда лица ее было не видно, то, глядя на хрупкую фигурку и кудрявые короткие волосы, не тронутые сединой, можно было подумать, что на стуле перед майором сидит молоденькая девушка, а не взрослая женщина.

– Ну, ну, – грубовато проговорил он. – Вы не плачьте, гражданочка. Вы лучше скажите, были у вашего мужа враги?

– Враги? Да что вы! Он же доктор, он же людей лечил. Его все очень любили. И коллеги, и пациенты.

– Но вот вы говорите, его недавно назначили заведующим отделения?

– Да.

– А вдруг на это место другой кто-то метил и позавидовал вашему мужу?

– Так позавидовал, что пришел и горло перерезал? – взглядывая на Андриана Дементьевича своими невероятными васильковыми глазами, спросила Евдокия Андреевна.

– Ну, хорошо. А друзья у вашего мужа были?

– Нет, скорее знакомые. Он все время работе отдавал, да и у меня подруг, признаться, нет. Нам с Алешей было хорошо вдвоем. Он работал очень много, а праздники мы всегда семьей отмечали. А вот у Родика, у нашего сына, друзей много. Они часто к нам заходят. То газету школьную делают, то мастерят что-то, то просто так зайдут. У нас места много, Алексей почти всегда на работе, а я только рада ребятам, – с робкой улыбкой пояснила Евдокия Андреевна.

– А родственники у вас есть?

– Брат мой младший с женой и племянница. Но они далеко живут, на Выборгской стороне. Так что видимся мы нечасто. Родители мои еще до революции умерли, у Алеши тоже никого не осталось.

– Вы мне адресок брата вашего напишите на всякий случай, – попросил майор, протягивая Евдокии Андреевне карандаш и блокнот.

– Пожалуйста. Только ни при чем он. Алексей Мите вместо родного отца был. Когда мы поженились, Митя еще совсем маленький был, Алексей его как родного принял.

– Да это я так. Для порядка, – не стал спорить майор. – А скажите, Евдокия Андреевна, в квартире у вас ничего ценного не пропало?

– Пропало. Единственное ценное, что у нас было, – снова утыкаясь в платочек, проговорила вдова.

– Что же это?

– Перстень. Мне его еще до революции крестный мой подарил, перед самой своей смертью. – Объяснять милиционерам, кто подарил ей перстень и кем был для Евдокии Андреевны Григорий Распутин, было немыслимо. А потому она слукавила, благо, никаких монограмм на перстне не было. – Перстень был мужской, и он сказал, чтобы я после свадьбы мужу его подарила. Так я и сделала. Подарила мужу после свадьбы.

– А дорогой был перстень? Большой? – оживился сидевший тут же и все это время исправно помалкивавший Яша Чубов.

– Небольшой. Вот такой вот. – Загнув указательный палец в колечко, показала Евдокия Андреевна. – С пуговицу. Золотой, посередине синий камешек.

– Сапфир? – уточнил майор.

– Да. Наверное, сапфир. Хотя точно не знаю. Мы никогда не оценивали его и не показывали ювелирам. Просто хранили как память.

– Кем же был ваш крестный? – ехидно поинтересовался Яша, недолголюбивавший бывших буржуев.

– Людей лечил, – просто ответила Евдокия Андреевна. – Сам был из крестьян, а перстень ему одна дама подарила. В благодарность.

На лице Якова отразилось скептическое недоверие, не оставленное майором без внимания.

– Яков, сходите, выясните, закончили криминалисты? И заодно узнайте, как дела у ребят. – Яша распоряжение майора понял верно, но начальству привык подчиняться, а потому, хоть и недовольно пыхтя, но покинул комнату.

– Евдокия Андреевна, как часто ваш муж носил этот перстень? Кто его мог видеть?

– Он его никогда не снимал, вот уже девятнадцать лет.

– Гм. Ну а может, еще что-то пропало, вы внимательно смотрели? Деньги, например?

– Нет. Я вообще не смотрела. – Она встала, ссутулившись от горя, подошла к пузатому комоду у окна и заглянула в ящик. – Деньги на месте. А больше ничего ценного у нас нет. Может, письменный прибор мужа, он дорогой? Ему на работе подарили к юбилею. Но он на месте. Сережки мои на мне, обручальное кольцо тоже.

– Ну а может, вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет, нет. Что вы? – испуганно посмотрела на майора Евдокия Андреевна, словно он предложил ей донести.

Ох уж эти порядочные люди, вздохнул про себя майор. Всех любят, всем доверяют.

– Значит, посторонних у вас в квартире не бывало? – еще раз уточнил он поднимаясь.

– Нет.

– Ну что, хлопцы, обсудим? – устраиваясь за своим столом, спросил майор, привычным движением ноги поправляя подложенную под ножку рабочего стола щепку. Стол был еще дореволюционный, скрипучий, с потертым сукном, сплошь покрытым крошечными дырочками, прожженными папиросным пеплом, но Колодей его отчего-то любил и менять не соглашался.

– Ага, – садясь поближе к начальству, поддакнул Игнат Петрович, пряча под стул ноги в стоптанных до неприличия ботинках.

– Значит, так. Замки в квартире не взломаны. Ни с парадной лестницы, ни с черной. Все целы. Значит, либо хозяин сам открыл дверь, либо убийца ключи раздобыл. Но хозяин на момент убийства сидел в своем рабочем кресле, лицом к столу, что, как мне кажется, исключает первый вариант развития событий.

– Да уж вряд ли бы он впустил в квартиру убийцу и вернулся к столу книжечку дочитывать! – влез в начальственные рассуждения Яков, парень неплохой, но уж больно невоспитанный.

– Согласен, – неодобрительно взглянув на подчиненного, кивнул майор. – Значит, убийца открыл дверь сам. При осмотре обоих замков следов работы отмычкой не обнаружено, скорее всего, открывали ключом, или уж виртуоз попался.

– Я сегодня с утра у Платоновой на работе был, – почесывая подбородок, заметил Игнат Петрович. – Обратил внимание, что пока она с клиентками занята, можно легко из сумки ключи вытащить, сбегать дубликат сделать и обратно подкинуть.

– Что ж. Вариант. Только вот откуда работницы ателье могли знать о перстне ее мужа? – задумчиво проговорил майор. – Тут уж надо бы больницу проверить.

– А вдруг он к ней на работу заходил? – не захотел сдаваться Игнат Петрович.

– Что ж. Может. Но сомнительно, что, увидев однажды перстень, кто-то из работниц ателье настолько сильно захотел его присвоить, что украл ключи, сделал с них дубликат, а затем убил здорового, крепкого мужчину из-за какой-то побрякушки. Платонова отыскала мне фотографию свадебную, где перстень было видно. Ничего особенного. Не бриллиантовая табакерка, из-за которой в феврале бывшую купчиху Беркович порешили. Кстати, Платонову было сорок пять лет. Крепкий, здоровый мужчина. Не смотри, что седой. Да и уж больно аккуратно ему шею перерезали. Где ты такую портниху найдешь?

– Да. Тут, видно, по наводке действовали, – кивнул головой Вася Трофимов. – Может, в картотеке поискать, не было ли в последние годы убийств с таким же почерком? Ну, и среди рецидивистов проверить, кто хорошо ножом владеет.

– Молодец, Василий, – одобрил майор. – Займись.

– А может, это обычный домушник. Залез, потому что квартира отдельная, думал, есть чем поживиться, а тут хозяин среди бела дня оказался дома, вот он и перепугался, хозяина порешил, перстень сдернул с пальца и ноги, – поспешил выдвинуть свою версию Яша, ревниво поглядывая на Васю Трофимова.

– Возможно. Но маловероятно, – с сомнением заключил майор. – Стянуть с пальца перстень, который ни разу не снимали за последние двадцать лет, не так просто, а вот схватить со стола бронзовый письменный прибор гораздо проще, или, скажем, деньги из верхнего ящика комода вытащить. Но ничего этого преступник не взял, а вот перстень снять с пальца не поленился.

– Да ведь письменный прибор громоздкий, а деньги еще найти надо, – не сдавался Яша.

– Яков, ваша мать где деньги держит?

– Ну, в ящике. Под бельем, – нехотя ответил Яша.

– В каком ящике?

– В верхнем.

– А твоя жена, Игнат Петрович?

– Да где ж? В верхнем ящике, под полотенцами, – усмехнулся Игнат Петрович.

– Вася...

– Не надо, Андриан Дементьевич, понял я, – остановил начальника Яша.

– Ну, если даже Яков согласен, думаю, можно окончательно согласиться, что преступник метил именно на перстень.

– Можно, – солидно согласился Игнат Петрович.

– А следовательно, поиск наш сужается, – довольно заключил Андриан Дементьевич.

– А знаете, товарищ майор, я вот тут подумал, – оживился Вася Трофимов, – горло так профессионально мог перерезать не только бандит, но и врач. Хирург! Они же все время людей режут, а Платонов в больнице работал!

– Молодец, Василий. И как я только сам не сообразил, – смущенно почесал затылок майор. – Глупость какая! Тогда вот что. Морозов и Трофимов, в больницу. Яша, проверь картотеку, а я пообщаюсь с родственниками вдовы, – привычно потирая плохо выбритые щеки, решил Андриан Дементьевич. – Жаль, ребятки, что вы вчера ни одного свидетеля не смогли раскопать. Как же наш преступник так ловко в подъезд попал?

– А что тут ловкого? – пожал плечами Яков. – Если бы он со двора лез, тогда да. Там и ребятня, и дворник, и няньки с детьми, а если с улицы шел, кто бы его заметил? Магазинов поблизости нет. Лавочек тоже, да еще в середине рабочего дня, кто его заметит?

– Кто-кто, соседи. Может, кто по лестнице спускался или, наоборот, поднимался и заметил в подъезде чужого.

– Да нет же. Мы всех до одного опросили, до самой ночи с Васькой по квартирам мотались, – не сдавался Яков.

– А дом напротив? Там были? А вдруг кто-то из окна его видел? Торопкин говорит, Платонова убили около пяти, не такой уж и день, многие с работы идут. Были в доме напротив?

– Не были, – окончательно мрачняя, проговорил Яков.

– Вот! Сейчас и отправляйся. А картотекой потом займешься. Все, голуби, полетели!

20 июня 1936 г. Ленинград

С подозреваемыми Андриан Дементьевич любил беседовать неофициально, по-домашнему. Придешь вот так запросто во время обеда, когда человек в самом благодушном настроении пребывает, на него посмотришь, на семью. Семейство, оно многое о человеке рассказать может, надо только уметь это многое приметить. А майор Колодей умел.

Дмитрий Андреевич Кириллов проживал в двухэтажном деревянном доме на Выборгской стороне. Асфальта в этих краях пока еще не водилось, зато густо росли сирень с черемухой, под окнами домов отцветала смородина, а кое у кого на грядках зеленели лучок с укропом. Возле соседнего дома за палисадником дремал в тени огромный пес. При появлении Андриана Дементьевича он приоткрыл один глаз, окинул ленивым взглядом гостя и решил не лаять попусту. Посреди двора мальчишки гоняли в пыли мяч. Андриан Дементьевич и сам вырос вот на такой окраине. Оглядевшись с удовольствием по сторонам, вдохнув запах жареной рыбы, тянувшийся из какого-то окошка, майор, сглотнув слюну, двинулся к дому.

Кирилловы жили на втором этаже, дверь в квартиру была приоткрыта, и, кажется, именно из нее так аппетитно тянуло жареной рыбой. Приоткрытая дверь майору понравилась. Нараспашку живет тот, кому бояться нечего. Майор прокашлялся и постучал кулаком в старый крашеный косяк.

– Заходите, открыто! – раздался из квартиры звонкий женский голос, и майор вошел.

Возле плиты, стоя спиной к двери, хлопотала невысокая полненькая девушка в стареньком застиранном платице, с заколотыми гребенкой светлыми кудрявыми волосами. Возле нее стояла коляска, которую она легонько потряхивала, поставив ногу на ось.

– Родя, ты? Заходи, сейчас ужинать будем, – не оборачиваясь, пригласила девушка.

– Добрый вечер, гражданочка, – пряча неуместную улыбку, поздоровался майор. Девушка ему очень понравилась, и залитая вечерним солнцем кухонька, тесная,

но чистая, тоже понравилась, и запах жареной рыбы был таким аппетитным, что пальчики оближешь. – Майор Колодей, уголовный розыск.

– Ой. Извините, – резко оборачиваясь к гостю, воскликнула девушка, торопливо вытирая о фартук руки. – Кириллова Вера. Вера Николаевна. – Она протянула майору руку. – А вы из-за Алексея Ивановича? Да вы проходите. Муж в комнате отдыхает, с работы недавно пришел, – хлопотала Вера Николаевна, а точнее, просто Вера. Выглядела хозяйка квартиры совершеннейшей девчонкой, ясноглазая, с круглыми румяными щечками, на вид вчерашняя школьница, ее слова о муже казались просто шуткой.

Но, увы, дело у майора было отнюдь не шуточное, а потому он, с самым серьезным видом кивнув девушке, прошел в комнату.

Дмитрий Кириллов выглядел немногим старше жены. Когда майор тихо вошел в комнату – он любил заставлять свидетелей врасплох, – тот дремал, лежа на маленьком диванчике, поджав под себя ноги и приоткрыв во сне рот. Вид у него был самый безмятежный.

– Гм, – кашлянул майор, привлекая к себе внимание.

Дмитрий Андреевич не спеша потянулся, зевнул и открыл глаза.

– Вы кто? То есть извините. – Опомнившись, он вскочил с диванчика, поправляя на себе майку. – С работы только, вот разморило, – виновато пояснил он. – Да вы проходите, товарищ. Вы по какому делу?

– Майор Колодей, уголовный розыск, – еще раз представился майор.

– Ах да, – серьезно хмуря брови, кивнул Дмитрий Андреевич. – Дуня говорила, что вы, наверное, придете. Или нас вызовете.

– Дуня?

– Ну да. Сестра.

– Значит, вы в курсе случившегося?

– Да, Дуня вчера телеграмму дала. Телефона-то у нас нет. Я сразу же к ней поехал. Вера-то не смогла, с дочкой дома осталась. Да вы присаживайтесь к столу. Вера сейчас ужин принесет, поужинайте с нами.

– Нет, нет. Я на службе. Так что же ваша сестра? – присаживаясь за стол, напомнил майор.

– Дуня? Плачет. Да и Родьку жалко. Он очень отца любил, тоже доктором стать хочет. Он, кстати, сейчас приехать должен. Сестра попросила, чтобы он у нас сегодня остался. Ей мужа оплакать хочется, а при сыне вроде как неудобно. Жалко парня еще больше расстраивать. При нем она держится из последних сил, а самой выть охота. Любили они очень друг друга, – вертя в руках лежащую на скатерти вилку, рассказывал Дмитрий Андреевич.

– Ну а у вас какие отношения были с зятем?

– Мне он как отец был. Они с сестрой меня вырастили. Когда родители умерли, мне только шесть исполнилось, и остались мы с Дуней и бабушкой, но она очень старенькая была, болела все больше, так что пришлось Дуне, а ей тогда едва семнадцать исполнилось, работу искать. Сперва полы мыла, стирала, а потом помогли ей в модное ателье устроиться. Отец наш портным был, так что шить она умела, вот добрые люди и помогли. Потом бабушка умерла, а потом Дуня с Алексеем Ивановичем познакомилась. Они поженились, и мы стали втроем жить, потом Родька родился. Я ведь от них всего два года как съехал, и то отпускать не хотели. Но Вера, жена, хотела отдельно жить, да и завод мне как специалисту вот эту вот квартиру выделил. Без удобств, конечно, вода во дворе, туалет тоже, но зато к работе близко. Я на Нобеле инженером работаю.

– Институт окончили? – с уважением поинтересовался майор.

– Да, технологический, – со скрытой гордостью сообщил Дмитрий. – Все Алексей Иванович. И подготовиться помог, и вообще.

– Значит, у вас с зятем отношения были хорошие? – еще раз зачем-то спросил майор.

– Я его любил, – просто ответил Дмитрий. – И вчера во время убийства, вы уж извините, сестра все рассказала, я был на работе. Меня там человек сто видели.

– Ясно. Ну, а как вы думаете, кто мог убить вашего родственника?

– Не знаю. – Дмитрий покачал головой, глядя в скатерть, потом решительно поднял голову. – Сестра сказала, что с Алексея Ивановича перстень сняли? А больше ничего не пропало.

– Совершенно верно, – кивнул майор, предчувствуя, что вот сейчас ему наконец-то удастся зацепить важную ниточку.

Но Дмитрий молчал, и майору пришлось его подстегнуть.

– А почему вы спросили про перстень, он был очень ценным?

– Нет. Точнее, не совсем, – вздохнул Дмитрий, но, видно, все же решился. – Этот перстень подарил Дуне... – тут он запнулся, заставив майора вытянуть нетерпеливо шею и затаить дыхание, – Григорий Распутин.

– Кто? – недоверчиво спросил Андриан Дементьевич.

– Григорий Распутин, – словно нехотя повторил Дмитрий. – Я знаю, что о нем говорили и писали после революции, но для нас с Дуней он был добрым другом.

– Откуда ж вы его знали?

– Он жил в нашем доме. Только его квартира была с парадной лестницы, а наша во втором дворе, с черной. Когда умерли родители, он очень нам помог. Только он и помог. Он многим помогал, у него с утра до вечера толпы народа на лестнице дежурили, все к старцу хотели попасть.

– И вы тоже так же к нему попали?

– Нет. Дуня как-то раз домой шла, вскоре после смерти родителей, недели еще не прошло, и плакала. Он ее заметил, расспросил, привел к себе, накормил, денег дал, потом сам к нам пришел, бабушку подлечил.

– Что ж он ей, лекарства выписал? – насмешливо спросил майор.

– Нет, конечно, – чуть улыбнулся Дмитрий. – Он все больше молитвами лечил. Это он предсказал Дуне и собственную смерть, и смерть бабушки, и появление в ее жизни Алексея Ивановича. Он тогда и перстень ей подарил, сказал, отдашь мужу после венчания. Будет он вас хранить от всех напастей.

– Хм. И что же, хранил?

– Ну, революционные годы семнадцатый и восемнадцатый мы пережили, от голода не умерли, от холода тоже. Значит, хранил, – пожал плечами Дмитрий.

– Послушайте, Дмитрий, вы же комсомолец, как вам не стыдно в такую ерунду верить? Еще небось и племянника своего Родиона тому же учите.

– Нет. Родька у нас атеист, – усмехнулся Дмитрий. – Он у нас отличник, пионер, активист. Но про перстень семейный, конечно, знает, мать ему в детстве рассказывала. Только он во все это не верит, а к родителям относится снисходительно. Мол, старые люди, еще при царизме росли, что с них возьмешь?

– Вот это правильно, – одобрил майор. – А жена ваша тоже об этом знает?

– О перстне? Да. Только она, как и Родька, во все это не верит. И потом, – взглянув на майора, без всякой улыбки добавил Дмитрий, – Вера вчера весь день дома была. Мы Олечку без бабок и нянек растим, ей всего три месяца, так что Вера дальше магазина и молочной кухни ни шагу. Можете у соседей спросить.

– Спасибо, поинтересуюсь, – так же серьезно пообещал майор. – Скажите, а кроме членов вашей семьи, кто-нибудь еще знал об этом перстне?

– Мм. Лично я ни с кем не делился. У Веры мы сейчас спросим, а что касается Дуни и Родика... А вот, кстати, и он, – заслышав на кухне громкие голоса, оживился Дмитрий.

Он встал из-за стола, чтобы пойти, встретить племянника, но в комнату уже входили Вера с дымящейся сковородой, а следом Родион с коляской.

Сын убитого доктора Платонова был тонким костлявым подростком. Загорелый, в белой майке и вышитой тюбетейке на светлой стриженной голове, он ничем не отличался от сотен своих ровесников, кроме, пожалуй, выражения глаз. Глаза у него были темные и наполненные до краев горем.

– Здравствуйте, – увидев в комнате постороннего, поздоровался он, замирая на пороге.

– Проходи, Родя. Не робей, – обнимая за плечи племянника, проговорил Дмитрий. – Это из уголовного розыска, майор Колодей Андриан Дементьевич.

– Здравствуй, Родион, – поднимаясь пареньку навстречу и протягивая руку, как взрослому, проговорил майор.

– Здравствуйте, – поздоровался Родион. – А зачем вы здесь?

– Да вот, – спеша опередить Дмитрия, проговорил майор, – хочу узнать, кому, кроме членов вашей семьи, было известно о перстне и его чудесных свойствах. О Григории Распутине, – пояснил майор, заметив недоумение на лице паренька.

– Да кто же будет такие глупости рассказывать? – недоуменно пожал плечами мальчик.

– Ну, может, не всерьез, а так, в виде страшилок. Приятелей поздним вечером попугать, – предположил майор.

– Ну, если только как страшилку, – смущенно согласился Родион.

– Ну и кого же ты пугал? – тут же уцепился за ответ Родиона Андриан Дементьевич.

– Ну, ребят из нашего отряда. Мы в поход в прошлом году ходили, вот я у костра ночью и рассказал. Но никто не испугался. Так, посмеялись, – краснея, пояснил Родион.

– А ты небось и приврал немного, чтобы пострашнее было? – подначил парнишку Андриан Дементьевич.

– Было немного, – смущаясь, признался Родион. – Сказал, что этот перстень беду отводит и с его помощью можно на врагов проклятие наслать. Вроде как приказал ему, и твой враг заболел, или там под машину попал, или с моста свалился.

– Складно. А кто именно был тогда у костра, помнишь, можешь фамилии назвать? – продолжал допытываться майор, и сам не понимая, что может извлечь из этого полезного. Просто привык добросовестно делать свое дело и делал.

– Да весь класс, кроме Люси Зуевой, она тогда ветрянкой болела. А еще вожатый Слава и Галина Гавриловна, наша учительница.

– Ну а может, кто-то из ребят заинтересовался этой историей и потом еще про нее спрашивал?

– Не помню. Вроде нет, – хмурясь от усилий, проговорил Родион.

– Ну, ладно. А вы, Вера Николаевна, кому-нибудь рассказывали о перстне?

– Я? – усмехнулась краем губ румяная, ясноглазая Вера. – Нет. Я в походы теперь не хожу, а больше мне рассказывать страшилки негде. А всерьез такую ерунду и рассказывать не стоит.

Что ж. Оставалось допросить саму вдову, она сейчас как раз одна, самое время с ней побеседовать, спускаясь на улицу по скрипучей деревянной лестнице, размышлял майор. А семья Кирилловых ему понравилась. Хотя алиби он у супругов все равно проверит. Да и сынишка убитого тоже хороший мальчик. Правильный, с неуместной горечью подумал майор и тут же себя одернул. Не раскисать. Не сейчас, не время.

А ведь у майора тоже был сын, и было бы ему примерно столько же, сколько сейчас Родиону Платонову, шестнадцать. Да вот не судьба. Погибли его сын с женой, не уберег он самых дорогих людей. В тридцатом году послали его на Волгу помогать местным властям с коллективизацией, а он, дурак, и жену с сыном прихватил, нет бы им в Ленинграде остаться. Поселились в большой деревне, стали с местным партийным руководством решение партии в жизнь

претворять. Да народишко больно темный оказался, они им про колхоз, про трактора, про светлое будущее, а эти дурни вцепились каждый в свой клочок пашни, в свою коровенку, и хоть ты их режь. До того дошло, что когда пошли по дворам орудия труда переписывать, врукопашную кинулись. Их с будущим председателем едва не порешили, да они не дались, забаррикадировались в местном сельсовете. Благо, у Андриана Дементьевича «наган» был. Да, они-то забаррикадировались, а жена Зинаида с сыном Егоркой дома были, вот их-то мужички на улицу и выволокли и вместе с бабами до смерти забили, пока майор в сельсовете отсиживался. Да знай он, что творится, не телеграммы бы в район отбивал, а сам себя в руки мужичкам отдал. Нате, терзайте, только сыночка с женой не губите! Майор почувствовал, как обожгло щеки, не сдержался. Утерев рукавом лицо, оглянувшись по сторонам, Андриан Дементьевич поспешил прочь со двора, пока никто не увидел, как майор из уголовки слезами заливается. Не пристало ему нюниться, как бабе, а о сыночке и о Зине покойнице он дома, бессонной ночью думать будет.

Глава 5

20 июня 1936 г. Ленинград

До Международного проспекта майор добрался ближе к девяти вечера, во дворе дома на Четвертой Красноармейской уже было тихо, детвора по домам разбежалась, на скамеечке важно покуривали двое парней, то ли девушек ждали, то ли так околачивались. Постояв минутку задрал голову, посмотрев на распахнутые окна, послушав мирную какофонию звуков, летящую во двор с коммунальных кухонь, и шипящие звуки старенького патефона из чьей-то квартиры, майор вернулся на улицу и по парадной лестнице поднялся на четвертый этаж, в квартиру Платоновых.

– Кто там? – раздался из-за двери робкий, чуть испуганный голос.

– Майор Колодей, уголовный розыск. Мы с вами вчера беседовали, – напомнил майор.

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и в щелку выглянуло бледное, худенькое личико Евдокии Андреевны.

– Простите, после смерти мужа я боюсь каждого шороха, – глядя на майора несчастными, потемневшими от горя глазами, пояснила Евдокия Андреевна, звякая цепочкой. – Проходите.

Идя за Евдокией Андреевной по коридору, Андриан Дементьевич отметил, как сгорбилась, постарела за последние сутки эта маленькая, хрупкая женщина с удивительными васильковыми глазами. И захотелось майору обнять ее, пожалеть...

Что за ерундовина лезет ему сегодня в голову, встряхнулся майор, женщину, конечно, жалко, ну да ничего. Сын уже взрослый, выживут.

– Присаживайтесь, – входя в уже знакомую комнату, предложила Евдокия Андреевна, устраиваясь на черном кожаном диване. – Слушаю вас.

– Я по поводу перстня, – приступил к делу майор. – Сегодня я беседовал с вашим братом, он рассказал мне про Распутина... – Майор сделал небольшую паузу, но никакого комментария от Евдокии Андреевны не дождался. – И в связи с этим хотел спросить, кто еще, кроме членов вашей семьи, мог знать о... скажем так, уникальности этого ювелирного изделия?

– О том, что его подарил нам отец Григорий? – без всякого смущения уточнила Евдокия Андреевна. – Даже не знаю. Дочь его знала, Матрена, так она вроде бы как за границей. Может, старец еще кому говорил, так я не знаю. А я о том никому не рассказывала. Это очень личное, понимаете? – подняла она на Андриана Дементьевича свои невероятные глаза, которые горели на ее бледном осунувшемся личике, словно лампы, теплым, согревающим светом.

У майора от ее взгляда сердце как-то кувырнулось и в горле запершило.

– Гм, – прокашлялся он, – значит, вы никому о нем не рассказывали. Ну а муж ваш? Может, друзьям или родственникам, а может, коллегам? Он сам как относился к этому?

– К перстню или к тому, что отец Григорий нас этим подарком благословил? – уточнила Евдокия Андреевна.

– Что благословил.

– Не очень серьезно. Он ценил перстень как мой подарок к свадьбе. А вот в чудодейственную силу отца Григория не верил. Это потому, что он не был знаком с ним, – неожиданно пылко проговорила Евдокия Андреевна.

– А вы, значит, верите? – задал заведомо провокационный вопрос майор.

– Да, – коротко, просто ответила Евдокия Андреевна, но, взглянув в глаза майора и не увидев там насмешки, а лишь пристальное внимание, проговорила: – Отец Григорий был удивительным человеком. Искренним, открытым и очень добрым. Никогда не мог пройти мимо горя и не помочь. Он ведь и меня так нашел. После смерти родителей мы остались совсем без денег. Все, что отец сумел скопить, ушло на лечение мамы, она через два месяца после отца умерла. Ну и на похороны, конечно. Ничего ценного у нас не было, колечко от мамы осталось, часы с кукушкой, сервиз праздничный, папино пальто с бобровым воротником, я все после похорон в скупку снесла, одно за другим. Жить было не на что. На работу хотела устроиться, так на хорошее место меня не брали, рекомендаций нет, пришлось в полумойки идти. Работа тяжелая, платили сущие гроши, а куда деваться? Если бабушку с братишкой кормить надо, да и самой с голоду не умереть. А ведь я до этого в гимназии училась, мечтала совсем о другой жизни, – привычно глядя себе на руки, рассказывала Евдокия Андреевна. – И вот шла я как-то вечером домой, меня в этот день хозяйка в краже обвинить хотела, хорошо кухарка заступилась, но с места меня все же выгнали, и так мне тяжело на душе было, так обидно, так тошно, что хоть в реку прыгай. Встала я в арке, в темном углу, и реву, маме с папой покойным на долю свою жалуюсь, а тут он к дому подъехал. Как только меня в темной арке разглядел? Не знаю. А только подошел, обнял за плечи, повернул к себе лицом, глянул в глаза, словно до самой середины прожег. Пойдем, говорит, доченька, со мной. Я от страха ни жива ни мертва. Уж кто такой Григорий Распутин, у нас в доме всяк знал, чего только про него не сказывали, и худого, и хорошего, а больше страшного. Я бежать хочу от страха, закричать, на помощь позвать. А тело словно онемело. Чего ты испугалась, несмысленыш, спрашивает, разве я сиротинку обижу? И повел к себе. А там народу тьма на лестнице толкается, все к нему лезут, но он дорогу себе расчистил, ввел в комнату. Дочку свою позвал Матрену, хорошая была девушка, чуть старше меня. Простая, добрая, ласковая. Накормили они меня, расспросили, а потом Григорий Ефимович со мной к бабушке пошел. Бабушка тогда уж месяца два с постели не вставала, а тут он над ней молитву почитал, ей велел, по голове погладил, и она словно помолодела на глазах. Без всякого

преувеличения, – вскинув на майора свои просветлевшие очи, воскликнула Евдокия Андреевна, и сама словно помолодела от воспоминаний. – Бабушка к вечеру встала, начала по хозяйству хлопотать, денег он нам оставил, ему кто-то целую пачку в дверях сунул, за какие-то хлопоты, а он их не глядя нам. Я потом посчитала. Там без малого тысяча была. Очень большие деньги по тем временам.

– Да уж, – крикнул майор от такой щедрости. А впрочем, что ему, Распутину, коли деньги эти сами на голову упали. Вот коли б заработал, вот тогда... – И что же дальше было?

– А дальше он меня через каких-то своих важных знакомых в модный дом помощницей портнихи определил. Я всегда шить любила. Меня папа научил, да и мама у нас хорошо шила. Так там и работала, когда его не стало. А незадолго до смерти своей он мне этот самый перстень подарил. Сказал, что бабушка скоро умрет, время ее пришло, и сам он тоже умрет, но чтобы я не пугалась. После их смерти через некоторое время появится человек, добрый, умный, заботливый, и проживем мы с ним душа в душу, до самой смерти, а перстень этот велел мужу подарить, сказал, что он нас от всех бед убережет.

– Ну, это ж просто слова, вроде как на счастье, – снисходительно улыбнулся майор.

– Нет. Не просто, – неожиданно твердо возразила Евдокия Андреевна. – Вам, наверное, этого не понять. Но мой муж, он был доктором. Понимаете? Доктором, почти буржуем, хотя мы никогда не жили богато, потому что муж не гонялся за большими гонорарами. Но было время, когда могли расстрелять и за меньшее. Просто за опрятную одежду, за культурную речь. За любую мелочь. – Она горько улыбнулась. – Вот в квартире двумя этажами выше до революции жила семья электрика, очень хорошие, работающие люди, сам Николай Васильевич из простых рабочих выбился, очень был умный, любознательный человек, много учился. За границу даже от завода ездил, обучился редкой специальности, жена у него была очень милая добрая женщина, дети. А в восемнадцатом году ворвались к ним ночью пьяные солдаты, стали золото и драгоценности искать. Он им – откуда у меня такое добро? А они ему пулю в лоб. На глазах у детей. Старший, Степан, ему сейчас двадцать пять, до сих пор заикается. Как Елизавета Матвеевна выжила с тремя детьми – отдельная история, младшенький-то еще в девятнадцатом умер, слабенький был совсем, а тут голод, а потом лекарств не было, началось воспаление легких. Муж пытался его спасти, да не смог. Совсем крошка был, – всхлипнула Евдокия Андреевна. – Вот за что ему это? А был бы

жив отец, глядишь бы – и выжил. А соседи над нами? Там сейчас коммунальная квартира, так вот в одной из комнат мальчик живет с мамой, Боря Балабайченко, он с моим Родей в одном классе учится.

Видели бы этого мальчика два года назад. Веселый сорванец, смешливый такой был, круглолицый, во всех играх детских заводила. А теперь? Худой, глаза затравленные, от каждого окрика вздрагивает, и шею в плечи, чтобы не ударили, не оскорбили, не прогнали. А почему? Отец у него мастером на табачной фабрике работал, у нас тут рядышком, коммунист, даже, кажется, партийным начальником был у себя в цеху. Я в этом не очень разбираюсь, но человек был честный, порядочный. Помешал кому-то, донос коллеги настроили, и нет человека. Пришли ночью, забрали. Утром соседи у его матери примус отобрали, иди, пожалуйста! Боря заступиться за мать попробовал, ему в зубы. Молчи, щенок, сын врага народа. Так они месяц боялись из комнаты в кухню выйти. К нам за кипятком ходили, и Боря у нас сидел после школы, пока мать с работы не придет. Боялся. А потом за тем соседом, что у них примус отобрал, тоже пришли, – с горечью проговорила Евдокия Андреевна. – А нас Бог миловал. – Она истово, не таясь, перекрестилась. – И за это я буду век Григорию Ефимовичу благодарна. Он нас хранил.

И майору вдруг ни с того ни с сего и самому захотелось перекреститься, в благодарность Господу, что уберег эту маленькую женщину от всяческих напастей. Да вовремя руку отдернул.

– А вот еще один случай. Это было два года назад, в конце февраля. Алеша вечером поздно с работы возвращался, на улице ни души, вдруг из подворотни двое. А у мужа при себе только портфель, и кричать бесполезно, на улице мороз, окна у всех закрыты и заклеены, кто услышит, да еще ветер, вьюга, в общем, думает, конец пришел. Это он мне рассказывал, когда домой пришел. Ввалился в двери, лица на нем не было. Так вот. Один из бандитов, что поздоровее, ножик вынул, у второго кастет на руке, давай, говорят, буржуйская морда, что в карманах прячешь, и за пазуху к мужу. А тот как раз перед нападением перчатку с руки снял, снег с очков хотел очистить, вот бандиты перстень и заметили, обрадовались, хотели с руки стянуть, да вдруг как заорут не своим голосом. Лица от страха перекосились, и от мужа как от чудища руками отмахиваются. Так и побежали прочь, вопя что есть мочи. А муж в другую сторону побежал, к дому.

– И что же это было, чем ваш муж их отпугнул? – озадаченно спросил майор.

– Да ничем. В том-то все и дело. Отец Григорий ему помог. Отпугнул злодеев. Может, сам явился. А может, морок какой навел, я уж не знаю. А только спас он Алешу, – с мягкой улыбкой пояснила Евдокия Андреевна.

Майор потер лоб, то ли от усталости, то ли от избытка впечатлений. Посидишь в этой чистенькой уютной квартире, со скрипучим красным паркетом, послушаешь хозяйку с васильковыми глазами и сам уверуешь, усмехнулся он про себя. Пора вам встряхнуться, Андриан Дементьевич.

– А кто все же мог знать о перстне?

– Не знаю, – покачала головой Евдокия Андреевна. – Я о нем никому не рассказывала. Это слишком личное, слишком ценное для меня. И потом, за такие рассказы в наше время можно дорого заплатить. Хотя чего мне бояться? Вот вам сейчас наговорила всякого, а все равно не страшно. Отец Григорий говорит, вы человек хороший.

– Кто?

– Отец Григорий, – как ни в чем не бывало, пояснила Евдокия Андреевна. – Он мне часто подсказывает в трудные моменты.

– Это как? – с жалостью взглянул на вдову майор. Бедная женщина от горя, кажется, совсем помешалась.

– А так. Я словно его голос в голове слышу. Вот про вас он сказал: не бойся его, Дуня, хороший человек, честный, тоже родных потерял. Он тебя поймет.

– Что?

– Да вы не пугайтесь. Он просто бережет меня как ангел хранитель, что ли. Я и Родю из дома отослала, чтобы помолиться в тишине, с отцом Григорием поговорить. Родя бы этого не понял. Не верит он в Бога. Молодой еще, а тут пионерия, комсомол, субботники, ударный труд, пятилетка, индустриализация, совсем эта мишура людям суть жизни затмила. И Родя наш такой же. Ну, да подрастет, поумнеет, нельзя без этого. Никак нельзя.

Андриан Дементьевич растерянно сидел и молча смотрел на хозяйку квартиры. Говорила она вещи вредные, даже, может, дикие, и вела себя подозрительно в смысле, здравого рассудка, а все равно почему-то майору нравилась.

– А что отец Григорий про меня сказал? – ляпнул он уж совсем лишнее, с языка сорвалось, он и охнуть не успел.

– Сказал, что вы хороший человек, – со слабой улыбкой повторила Евдокия Андреевна. – Что тоже близких потеряли и поймете меня. У вас умер кто-то? – переспросила полным участия голосом.

– Жена и сын, – с тяжелым вздохом проговорил майор. Никогда и ни с кем он не говорил о них, с тех самых пор как похоронил. Берег их в сердце своем и ни с кем не делился.

– Давно?

– Шесть лет уж прошло. Егорка мой Родиону вашему был бы ровесник, – неизвестно зачем добавил Андриан Дементьевич.

– А как они погибли?

– Мужички их забили до смерти, хотели меня убить, а убили их. Колхозы я организовывал на Волге, вот там и погибли, – подпирая рукой голову, пояснил майор.

– Бедный вы, бедный. – Майор почувствовал, как его головы коснулась легкая нежная рука. – Тяжело вам одному с таким грузом жить. У меня хоть вера есть, Бог, он меня не оставит, а вам? – В голосе Евдокии Андреевны чувствовалась такая доброта, такая искренность, каких он давно уже не встречал, и не выдержал майор. Уткнулся ей в живот головой и зарыдал как ребенок.

Когда в себя пришел, чуть не сгорел со стыда.

– Да вы не стесняйтесь, нечего здесь стесняться, – словно читая его мысли, проговорила Евдокия Андреевна. – Это не слабость, это боль из вас уходила. Нельзя такое в себе хранить, губительно. Вот мужичков вы тех простили, доброе

у вас сердце, большое, а себя не смогли. А вы и себя простите. Жена ваша и сын простили, а покой обрести не могут. Простите себя, и им легче станет. Нет здесь вашей вины. Нет. Вы посидите один, успокойтесь, а я пойду, чай поставлю. – Она еще раз погладила его по спине и, неслышно ступая, вышла из комнаты.

Вот ведь дурак. Это ж надо так разнюниться. Тоже мне, майор из угро называется. Барышня сопливая, ругал себя майор, но вот удивительно, было ему вовсе не стыдно, а наоборот, хорошо, спокойно. Словно и вправду всю боль, копившуюся годами, выплеснул.

А потом они пили чай с вишневым вареньем и вспоминали разные истории из жизни, и Андриан Дементьевич рассказывал Евдокии Андреевне о своем сыне, как он родился на полустанке, как они его растили, как он в пять лет лоб расшиб, как в четыре года «Интернационал» пел смешно. А она ему рассказывала, как они с мужем познакомились. Как революцию пережили, как летом после свадьбы в деревню первый раз поехали и Митю маленького с собой взяли, и как он коров испугался. И еще про всякое разное. До поздней ночи засиделись, да так хорошо и славно, что майору домой идти не хотелось, насилу заставил себя распрощаться.

– Ну что, товарищи, приступим, – дождавшись, пока все рассядутся по местам, проговорил майор. – Игнат Петрович, вы первый.

– Добре. Мы с Васей в больнице вчера были, с коллегами покойного беседовали. Хорошие люди, приличные, о покойном все хорошо отзываются. Даже больные.

– Почему даже? – ревниво спросил майор, который после вчерашнего чаепития как-то непрофессионально близко к сердцу стал принимать дело об убийстве доктора Платонова.

– Ну, больные народ капризный, поди, угоди. А тут все как один, хороший доктор, добрый, внимательный, кто же нас теперь полечит? В общем, любили.

– Ну, хорошо. Пациенты любили. А что же все-таки с коллегами?

– На отделении пять врачей, теперь уже четыре, и шесть медсестер, и еще четыре нянечки, – доставая из кармана маленькую записную книжечку, доложил Игнат Петрович. – Вот зам зав отделением Якубсон Абрам Исаакович. Очень пугливый субъект. Нас увидел, побелел, коленки задрожали, чуть не козлом заблеял. По отзывам коллег, отношения с Платоновым у него были ровные, хорошие, на должность завотделением никогда не метил, и даже сейчас после смерти Платонова Якубсона на эту должность не назначат.

– А почему? Ведь это логично?

– Вот и я так подумал. Но его коллеги почему-то такой логики не усматривают. Нет, говорят, и все.

– А кого назначат?

– По общему мнению, возьмут человека со стороны, – пожал плечами Игнат Петрович.

– Ладно, дальше.

– Дальше, – согласился Игнат Петрович. – Доктора Дятлов и Тулеев. Дятлов – молод, амбициозен, до завотделением ему еще расти и расти, личных конфликтов с покойным не имел. Тулеев – шестьдесят два года, тихий, положительный, в начальство уже не метит, звезд с неба не хватает. Ждет пенсии. С Платоновым находился в ровных, дружеских отношениях. Оганесян Раиса Робертовна – тридцать девять лет.

– Армянка? – удивился майор.

– Нет. Была замужем за армянином. Долгое время жила в Ереване, потом вернулась к родителям в Ленинград. С мужем развелась. По сведениям медсестер и нянечек, была безнадежно влюблена в Платонова. Он о ее чувствах не догадывался, никаких отношений между ними не было.

– Не могла она его из ревности убить?

– Нет, – решительно возразил Игнат Петрович. – Она не истеричная влюбленная барышня, а женщина серьезная. И, думаю, что любила она его как хорошего врача и порядочного человека, никаких бабских штучек себе не позволяла. Кокетства там или еще чего. Вы бы ее видели: строгая, накрахмаленная, ни улыбочки, ни смешка. И больные ее уважают, и персонал. Медсестры даже побаиваются.

– Ну, хорошо. А медсестры?

– Медсестры тоже женщины положительные, в основном в возрасте, из молоденьких только одна, но у нее жених есть, свадьба скоро. Нянечки тоже положительные.

– Ну, просто пансион благородных девиц, а доктора кто-то убил, – развел руки майор. – О перстне кто знал? У кого алиби есть, у кого нет?

– О перстне знали все. Платонов его с руки не снимал. Алиби есть у врачей, двух медсестер, и двух нянечек, остальных проверять надо. Вчера не успели.

– Проверяйте, на данный момент больница самая рабочая версия, – строго наказал майор. – У тебя, Яков, что?

– В доме напротив никто ничего не видел. На углу соседнего дома сапожник сидит, старый уже, но любопытный, – усмехнулся Яков. – Сам ко мне подошел, чего, мол, тут ищешь, парень, не по вчерашнему ли убийству? По вчерашнему, говорю, может, видели что подозрительное? Так он мне практически всех жильцов дома перечислил, кто когда ушел, кто когда пришел. Не дед, а контрразведка, хоть и старый, а память у него во! – восхищенно делился Яша Чубов.

– Это, конечно, замечательно, но что он тебе по делу сказал?

– Посторонних, входящих в подъезд Платоновых, он в тот день не видел.

– Или не заметил, или пропустил. Он же не только по сторонам глазеет, работает, наверное, еще? – саркастически заметил Андриан Дементьевич.

– Наверное, – скис Яша. – В любом случае никаких других сведений раздобыть не удалось. В картотеке нашел парочку похожих дел, но тоже все мимо. Один деятель, Гришка Мыло, еще три года назад в перестрелке погиб, когда его наши брали. Харитон Тузов сидит, и еще лет десять сидеть будет, а Михаил Рогов по кличке Рогатина от дел отошел, гангрена у него была. Ногу ампутировали, так что он теперь столяром в какую-то артель устроился. Это все.

– Что ж. Пока негусто, товарищи, – потирая подбородок, проговорил майор. – По больнице продолжаем работать. Это на сегодняшний день версия номер один. Но появились вот какие детали. – И майор рассказал коллегам о Григории Распутине, не все, конечно, а только то, что он перстень подарил Платоновой, и о том, что он, по слухам, волшебный.

– То есть нам теперь не просто убийцу, а религиозного фанатика искать надо? Мракобеса, который из ума выжил? – невесело уточнил Вася Трофимов.

– Я бы сказал, что такую версию исключать не стоит, – осторожно заметил майор. – Вчера я разговаривал с семейством покойного, и все они как один заверяют, что никогда и никому не рассказывали об этом перстне и Распутине, кроме сына убитого доктора. Однажды в походе он рассказал одноклассникам про Распутина и перстень, чтобы попугать их.

– Андриан Дементьевич. Вы что, думаете, это кто-то из ребят убил доктора? – недоверчиво спросил Вася Трофимов.

– Нет. Я думаю, что кто-то из них мог рассказать об этом взрослым, – серьезно ответил майор. – А еще рассказ Родиона Платонова слышали его учительница и вожатый. Их тоже придется разыскать и опросить. И хотя взрослые члены семейства Платоновых утверждают, что никому об этом перстне не рассказывали, я бы не стал полагаться на эти сведения.

– И что же нам делать? Опросить всех их знакомых, прошлых и настоящих? – разволновался Василий.

– Если понадобится. А пока что Игнат Петрович и Вася продолжают работать по больнице. Яков берет на себя одноклассников, вожатого и учительницу, ну а я займусь окружением Платоновых. Ясно одно: если перстень украли из-за Распутина, в скупку его сдавать не будут, – заключил майор.

Глава 6

8 июля 2018 г. Санкт-Петербург

– Человека с фоторобота никто из родственников убитого не узнал, – вертя в руках распечатку с физиономией неизвестного, проговорил капитан Филатов. – Это значит, что Ситников действительно перепутал его с кем-то из знакомых. Или этот человек не был знаком его родственникам. Например, бывший коллега или больной. Поэтому Петухов его фотографии не нашел в семейном альбоме Ситниковых. А значит, работы у нас по-прежнему по горло. Может, у кого-то из присутствующих есть свежие идеи, предложения?

– Нет, – твердо ответил Никита Макаров.

– Значит, возвращаемся к обычному плану действий. Вот тут у меня биография покойного. Где родился. Где учился. Где жил, работал, кем, в какой должности. Все основные вехи. Наша задача – разыскать свидетелей каждого этапа жизни покойного, – привычно потирая бледные, худые щеки, объяснял оперативную задачу капитан. – Из приятного. Покойный родился и окончил школу в деревне под Тихвином. Кто готов выдвинуться в область? – обвел он взглядом присутствующих. Присутствующие стыдливо отводили глаза, не проявляя энтузиазма. – Ясно. Нет желающих. Тогда по-честному разыграем. Орел – решка.

– Орел! – поспешил ответить Никита.

Капитан достал из кармана пятак, подкинул.

– Ну вот, Никита, и поезжайте, – бесстрастно заключил он. – Вот вам адрес и прочее. Поезжайте, найдите людей, знавших Ситникова. Соберите все сплетни, факты, в общем, что вас учить, вас всему в университете научили, – напутствовал он помрачневшего Никиту. – Поезжайте, юноша, не кукситесь.

Саня Петухов сидел все это время, вольготно развальясь на стуле, не пытаясь скрыть счастливую самодовольную улыбку. А почему бы, собственно, ему и не порадоваться? Он, что ли, вперед лез со своими «Орел! Орел!»? Вылез? Получи.

– Ну а вы, Петухов, займитесь институтскими товарищами покойного, педагогами, подругами и так далее. Возможно, он в бытность студентом состоял в спортивной команде или участвовал в самодеятельности, все прошерстите, всех разыщите. Важна каждая мелочь. Ну? По коням.

– А что, сегодня ехать? – мрачно поинтересовался Никита.

– А когда? Через месяц? – приподнял брови капитан. – Старший лейтенант Макаров, прекратите разводить демагогию. Сейчас десять часов утра, выясните, с какого вокзала идут электрички в Тихвин, и отправляйтесь; если повезет, до ночи обернетесь.

Лицо Саньки Петухова лучилось счастьем за товарища, и Никита с трудом удержался, чтоб не сказать коллеге какую-нибудь гадость.

Такая жара, а ему в Тихвин пилить, да еще и на электричке! Сколько туда хоть добираться? А еще от Тихвина до деревни этой, останавливается там электричка или еще пересадку делать надо?

Никита сидел возле компьютера злой и щелкал клавиатурой, пока раздражающе жизнерадостный Петухов разглагольствовал о том, что если Никите с Финляндского вокзала в Тихвин ехать, так они могут вместе до площади Ленина на метро прокатиться, потому как ему, Саньке, оттуда до Медицинского института можно на маршрутке доехать.

– Отвали, – буркнул Никита. – Мне с Ладожского.

На самом деле Никита решал нелегкую задачу, чем добираться до этого самого Тихвина, а затем еще и до деревни, в коей родился и вырос покойный Алексей Родионович Платонов, автобусом или электричкой, а то еще можно поездом дальнего следования, например, тем, что до Воркуты. Нет, на него Никита, пожалуй, что опоздал.

А вот, кстати, прямо за Тихвином через две остановки та самая деревня! Ха! Три с половиной часа до самого Тихвина и еще полчаса до деревни. Можно сказать, что ему еще повезло. Надо заскочить на вокзале в «Макдоналдс», взять с собой еды, большой стакан пепси-колы, мороженое, и в путь!

– Молодой человек, – окликнул Никиту в вестибюле пожилой книготорговец. – Вы уже приобрели юбилейный выпуск истории Петербургского Уголовного розыска? Редкое издание, все самые интересные дела, сотрудники. Возьмите, не пожалеете. А в следующем выпуске могут и о вас написать. Возьмите, полистаете на досуге, может, что-то интересное и для себя найдете.

Никита, разумеется, хотел пробежать мимо, извинившись и сославшись на спешку, но вспомнил о четырех часах тряски в электричке до деревушки под Тихвином. И передумал. В конце концов, подарит потом капитану Филатову, ему в тридцать с гаком воспоминания о давно минувших днях, наверное, будут интересны.

Саня дождался отбытия в Тихвин своего менее удачливого коллеги и, напившись дармовой казенной воды из кулера на дорожку, отправился в мединститут собирать данные на почившего Ситникова.

– Какого года выпуска, вы говорите? – спуская очки на кончик носа, поинтересовалась в отделе кадров суровая дама с пышным бюстом и жиденькими, коротко стриженными красно-рыжими волосами.

– В шестьдесят шестом.

– Ух ты! И что же вы хотите?

– Список его однокурсников и одноклассников. А также преподавателей, работавших в институте в то время, – скромно сообщил Саня.

– Ничего себе! Вы еще их адреса и паспортные данные запросите! – фыркнула сотрудница.

– А есть? – Ответом ему был выразительный взгляд. – Ладно, тогда то, что есть.

– Завтра приходите, попробуем подготовить, надо в архиве запрашивать. А насчет преподавателей, так идите на нужный факультет и ищите всех, кто старше семидесяти шести лет; возможно, кто-то из них и знал вашего студента, когда мальчиком был. Таких не так уж и много – возраст, – посоветовала дама,

возвращаясь к своим делам.

– Ситникова Алексея Родионовича? – хмуря седые брови, поинтересовался невысокий пухленький профессор Логинов, к которому Сане посоветовали обратиться девочки из деканата. – Простите, а где он потом трудился?

– Ну, в этом... – судорожно соображал Саня, забывший в кабинете шпаргалку. – В центре Алмазова!

– Ах вот как. Дайте подумать, – вертел в руках очки старичок профессор. – Пойдите, Ситников? Алексей Родионович? Ну, что же вы, конечно, мы знакомы, однокашниками не были, но встречались не раз. Профессор Ситников. Как же, прекрасно знаю! А в чем, собственно, дело? У нас, знаете ли, область интересов не совсем совпадает, но в принципе...

– Дело в том, что профессора Ситникова недавно убили, – решил не ходить вокруг да около Саня; было очевидно, что сам профессор Логинов Ситникова не убивал.

– Господи боже мой! – всплеснул он руками, роняя очки. – Что за ужас? Это правда? Когда это произошло?

– Два дня назад.

– И что же вы хотите от меня? Вы же не подозреваете?..

– Нет, конечно, – поспешил его успокоить Саня. – Просто мы ищем всех, кто знал профессора. Нам важны любые подробности, связанные с его жизнью. Даже с молодостью.

– Ах вот как. Мне не совсем понятен смысл, – понемногу успокаиваясь, проговорил профессор, – но что же, спрашивайте.

– Меня интересует любая информация о покойном, сплетни, слухи, скандалы, разногласия. Успехи за чужой счет. Официальные вехи его биографии нам уже известны, – напрямую сообщил Саня, чтобы время не терять на хвалебные панегирики.

– Ну, знаете! Это вы не по адресу обратились! – возмущенно воскликнул профессор. – Я вам не досужая сплетница!

– Я понимаю. Но в том-то и дело, что нам не нужны досужие сплетницы, нам нужно мнение серьезного уважаемого человека. Ведь я не журналист из желтой прессы. Мы расследуем убийство. Понимаете?

– Да я же своими разговорами могу навлечь неприятности на всеми уважаемых, невинных людей, неужели вы не понимаете?

– Или помочь убийце уйти от ответа. Вашему коллеге перерезали горло в кресле в собственном кабинете. Могу открыть вам небольшую тайну и только по секрету: его убил не хирург, действовал человек неопытный.

– Неопытный? Не хирург? Что ж, это облегчает задачу, – повеселел профессор. – Ну, что ж.

Он снова принялся энергично вертеть очки, но, как видно, это ему совершенно не помогло.

– Нет. Ничего, – сокрушенно вздохнул он. – Но знаете! Обратитесь к Эльвире Игоревне! Она его хорошо знала, ее ученики проходили у него практику, я очень хорошо это помню. И вообще, насколько я знаю, их связывают давние отношения.

– А кто эта Эльвира Игоревна и где ее найти?

– На кафедре сердечно-сосудистой хирургии. Кавинская Эльвира Игоревна. Попробуйте, молодой человек, – напутствовал его довольный профессор, радуясь собственной изворотливости.

И Саня пошел разыскивать кафедру, в надежде, что дама окажется на месте, все же начало июля не самое горячее время для институтских работников, многие уже в отпуске.

Сане повезло.

– Это она, – тихонько шепнула на ухо Сане секретарь кафедры, миниатюрная остроносая шатенка с россыпью мелких прыщей на щеках.

Эльвира Игоревна, рослая, крепкая, с копной седых волос и орлиным носом, сидела на кафедре за рабочим столом и что-то усердно строчила в компьютере. Вид она имела грозный и неприступный.

Но деваться оперу Петухову было некуда, и он, откашлявшись и набравшись смелости, шагнул к столу. У Сани был один недостаток. Когда он робел или смущался, то начинал безбожно хамить, чем окончательно портил дело.

– Я извиняюсь, мамаша, – дико, неуместно проговорил он, останавливаясь возле стола Эльвиры Игоревны. – Я из Следственного комитета, нам бы поговорить.

– Что, простите? – отрывая взгляд от компьютера, переспросила раскатистым грудным голосом Эльвира Игоревна.

– Поговорить бы, говорю.

– Простите, я, очевидно, не расслышала, а кто вы такой?

– Петухов Александр Васильевич, Следственный комитет, – справился наконец с собой Саня и достал из кармана корку.

– Любопытно. И что вам от меня угодно? – поворачиваясь к нему корпусом, спросила Эльвира Игоревна.

– Вы знакомы с Ситниковым Алексеем Родионовичем?

– Разумеется. А что, он что-нибудь натворил? – насмешливо поинтересовалась Эльвира Игоревна, в удивлении приподнимая густые седые брови.

– В некотором смысле, – не поддержал ее веселья Саня. Он не любил, когда свидетели шутили, тем более иронизировали. Они должны были трепетать и каяться. А иронизировать и шутить должен был он, Саня. – Алексей Родионович был убит седьмого июня, в собственной квартире. Ему перерезали горло, – лупанул он сразу, чтобы стереть с грозной физиономии Кавинской

самоуверенную мину.

– Убит? Алексей Родионович? – побледнела Кавинская. – Как же так? Какой ужас! Это не шутка?

В отличие от своего коллеги профессора Логинова Эльвира Игоревна восприняла новость болезненно, и, чтобы продолжить разговор, ей понадобилось немалое время. Нет, она не плакала, не истерила, но, прыснув в рот вынутый из сумки нитроглицерин, засыпала Саню вопросами о случившемся. На кои он отвечал весьма уклончиво и неопределенно.

– Итак, – видя, что тетка немного пришла в себя, перешел к допросу Саня. – Как давно вы общались с покойным и насколько близки с ним были?

– Мы? Ну, даже не знаю. Довольно давно. Ведь мы общались исключительно по работе. Хотя и были знакомы еще с институтских времен, учились вместе. Алексей Родионович лет семь как вышел на пенсию, и после этого мы виделись с ним раз или два, на каких-то юбилейных мероприятиях.

– Значит, в прежние годы вы его хорошо знали?

– Можно сказать и так, – неопределенно кивнула седой массивной головой Эльвира Игоревна.

– В таком случае вы не могли бы припомнить, были в прошлом Алексея Родионовича скандалы, романы, интриги, враги, недоброжелатели, одним словом, люди, которые могли бы затаить на него обиду.

– А что, вы предполагаете, что это сделал человек из его прошлого?

– Мы прорабатываем все возможности, я лично отрабатываю эту версию, мои коллеги занимаются другими вопросами, – солидно ответил Саня.

– Что ж, давайте подумать, – сведя к переносице брови, прогудела Эльвира Игоревна. – Вас ведь не интересуют мелкие недоразумения, – проговорила она задумчиво. – А из серьезных историй мне на ум приходит только одна.

– Слушаю вас.

– Это было в конце восьмидесятых, в пору расцвета всяческих СП, совместных предприятий, если вы понимаете, о чем я говорю, – с сомнением взглянула на собеседника Эльвира Игоревна.

– Это с иностранцами, да? – продемонстрировал свой кругозор Саня.

– Именно. По сути, все эти предприятия, как позднее стало ясно, имели исключительно потребительскую направленность. Украсть наши научные разработки, опробовать на нас недоработанные медикаменты и так далее. Вот на почве этих самых экспериментов и разгорелся тогда скандал.

– Пожалуйста, изложите этот случай подробно.

– Пожалуйста. На одном отделении с Алексеем Родионовичем работал весьма перспективный доктор, талантливый, надо сказать, человек, амбициозный, можно сказать, даже слишком амбициозный. После горбачевских реформ и открытия железного занавеса он с головой погрузился в новые реалии, стремясь по максимуму использовать для собственного продвижения открывшиеся перед нашими гражданами новые возможности.

– Как звали этого коллегу и что с ним в итоге вышло? – начал терять терпение Саня от этих пространных рассуждений.

– Звали его Новицкий Владислав Янович, он был кандидатом наук, очень перспективным, как я сказала, ученым, часто выезжал на зарубежные конференции, печатался в медицинских журналах, в медицинской ленинградской среде был человеком весьма известным, – откинувшись на спинку стула, рассказывала Эльвира Игоревна.

– А дальше что?

– Дальше случилось так, что несколько пациентов, которых он вел как лечащий врач, скончались, и произошло это как-то одно к одному. Провели вскрытие; Алексей Родионович как заведующий отделением лично взял на контроль эти случаи и даже провел расследование. Изучил истории болезни умерших

пациентов, побеседовал с выжившими пациентами Новицкого; в результате он выяснил, что тот на собственный страх и риск, без согласования с руководством применял в качестве терапии еще не доработанный зарубежный препарат, по сути, ставя незаконный эксперимент на собственных пациентах, разумеется, без их ведома и согласия. Разгорелся грандиозный скандал, отголоски которого даже прозвучали в прессе. Новицкому грозил суд и даже лишение свободы. Тогда еще имели место всяческие общественные меры порицания вроде партийных и профсоюзных собраний, Новицкий испил чашу позора до дна. И главным его обвинителем во всех инстанциях выступал именно Алексей Родионович, глубоко возмущенный столь безответственным отношением к человеческой жизни, подобающим не советскому врачу, а аферисту. Тогда еще Советский Союз был жив. Как я сказала, скандал был немалый, но все же доводить дело до суда не стали. Новицкого уволили по статье за несоответствие, с выговором и всеми возможными карами; по сути, карьера его как врача была навеки погублена. Единственное, что ему светило после этой истории, работа в районной поликлинике, и то после существенного перерыва, но в его возрасте, с его опытом, амбициями и шлейфом недавно отгремевшего скандала подобное стало бы немыслимым унижением. Он пропал с нашего медицинского горизонта. Чем он занимался в последующие годы, мне неизвестно. Но могу уверенно утверждать, что крахом своей жизни и карьеры Новицкий обязан был именно принципиальности Алексея Родионовича. Потому как Ситников, имея он такое желание, мог бы замять эту историю, но не пожелал поступиться врачебной этикой.

– Где же сейчас этот Новицкий?

– Понятия не имею. Я же вам объяснила, что он исчез с нашего медицинского горизонта.

– А где он работал, там же, где и покойный Ситников?

– Ну да. Как я уже вам объясняла, Алексей Родионович заведовал отделением, а Новицкий был его подчиненным.

Ну что ж. Первый подозреваемый прорисовывается, покидая институт, размышлял Саня. Если, конечно, этот Новицкий не помер, лет с тех пор прошло немало. Но если не помер, он вполне мог превратиться в длинного, опустившегося субъекта, чей портрет восстановила по памяти соседка покойного Ситникова. Эх, жаль, он не прихватил с собой фоторобот, мог бы

Кавинской предъявить, с опозданием сообразил Саня.

Разыскать Новицкого оказалось делом несложным. Даже ехать никуда не пришлось. Хватило нескольких телефонных звонков. А пока информация по Новицкому для Сани собиралась, он с удовольствием перекусил в «Бургер Кинге», заодно закадрил двух студенточек, светленькую и темненькую, и обеих пригласил вечером в кино, решив, что тогда не спеша и сделает выбор, с какой дальше крутить, а для компании можно Макарова пригласить, если он, конечно, из Тихвина своего вернется. Ну а нет, так можно кого-то из ребят захватить, хоть Ромку, хоть Димку Чесова.

Глава 7

8 июля 2018 г. Санкт-Петербург

– Где он работает? Точно? Ничего не путаешь? – с интересом уточнил Саня. – Ладно, понял, давай.

Саня закончил разговор и снова открыл эсэмэску, в которой были выданы все данные, которые ребята наковыряли на Владислава Яновича Новицкого. Владелец квартиры в центре, частного дома в Парголово, собственного Целительского центра на Невском проспекте. Ничего себе неудачник со сломанной карьерой, присвистнул Саня и, подгоняемый любопытством, поспешил к метро. Надо бы навестить этот центр целителя, а то вдруг он окажется старой запущенной коммуналкой в шестом дворе, дом в Парголово – сарайчиком, а квартира в центре – наследством, доставшимся от родителей.

Центр целительства оказался вполне себе современным офисом с красивыми мраморными полами, мягкой скрытой подсветкой, рыжей кудрявой девицей за стойкой, в белом халатике и очках, придающих серьезности ее конопатому смазливому личику.

– Добрый день, – поздоровалась она с Саней. – Проходите, пожалуйста, вы по записи?

– Нет, я экспромтом, – несколько развязно проговорил Саня, наблюдая за девицей.

– В таком случае, по какому вы вопросу? Вы у нас в первый раз? – не теряя любезности, продолжала расспрашивать девушка.

– Да. Я к Новицкому.

– Боюсь, Владислав Янович не сможет вас принять, он работает только по предварительной записи. Ближайшее свободное время могу предложить вам... пятого августа. Вам подойдет? – без намека на шутку спросила девица и, заметив озадаченность посетителя, предложила: – Или я могу вас записать на более раннюю дату к другому специалисту. У нас все специалисты очень хорошие, вы останетесь довольны.

– Нет. Мне нужен Новицкий, – приходя в себя, твердо проговорил Саня. – И не через месяц, а сегодня. – Девушка открыла было рот, но Саня уже доставал свое служебное удостоверение. – Сотрудник Следственного комитета, Петухов Александр Васильевич. Мне необходимо поговорить с вашим шефом именно сегодня, так что, будьте любезны, доложите ему.

– Гм, – сморщила носик девушка, явно не зная, что предпринять. – Хорошо. Вы присядьте, пожалуйста, сейчас у Владислава Яновича пациент, я не могу его отвлекать, но как только он освободится, – девушка взглянула на часы, – через двадцать минут, я сразу же ему все объясню. Вы присаживайтесь, может, вам кофе сварить или минералки? На столике у нас свежие журналы.

– Минералки и журналов будет достаточно, – милостиво проговорил Саня, разваливаясь на мягком просторном диване. В Целительском центре было прохладно, спокойно, почти без звука работал телевизор, на столе были разложены журналы на любой вкус, а девушка Алиса Владимировна, имя Саня разглядел на бейджике, ухаживала за ним как за дорогим гостем, это льстило.

В таких условиях Саня был согласен подождать Новицкого даже полчаса. А что? Солдат спит, служба идет. И он даже стал присматриваться к Алисе Владимировне на предмет возможного свидания, хотя рыжие и были не в его вкусе. Но Саня в его нынешнем «холостом» положении ко всем девушкам присматривался, как голодный волк к колхозному стаду.

Но до разговора с Новицким решил никаких действий не предпринимать, чтобы «личное» не вступило в конфликт со служебным. А то вдруг окажется, что это Новицкий перерезал горло Ситникову, а барышня эта ему помогала. А вдруг она вообще его любовница? Хотя нет, какие любовницы в его возрасте? Ну, внучка, допустим? Нет, сперва разговор с подозреваемым, твердо решил Саня.

Ровно через двадцать две минуты из глубин центра в коридор выкатился упитанный субъект в дорогом костюме с обрюзгшей загорелой физиономией.

– Вы уже закончили, Павел Георгиевич? – ласково спросила Алиса Владимировна. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – буркнул обрюзгший тип. – Посчитай с меня за прием.

Ну и хам, насупился Саня, и сам не отличавшийся особой изысканностью манер, но от этого не менее люто ненавидевший подобные манеры у других.

– С вас пять тысяч, как всегда, – улыбнулась Алиса, не подав виду, что оскорблена подобным отношением.

Толстяк достал из портмоне банковскую карту, оплатил прием и, не прощаясь, вышел из центра.

– Почему вы позволяете этому типу подобное поведение? – не сдержался Саня.

– Потому что он наш постоянный пациент, – сухо пояснила Алиса. – И потому, что мне за это платят деньги.

– Алиса, – появился в коридоре крепкий, подтянутый седовласый эскулап в белом халате, – у меня сегодня больше никого нет, я поеду, пообедаю, вернусь к пяти.

– Владислав Янович, – выбегая из-за стойки, встревоженно проговорила Алиса, – к вам вот молодой человек из Следственного комитета, очень настаивает на встрече.

– Следственный комитет? А что у вас? – впиваясь в Саню странным, словно проникающим взглядом, спросил Новицкий. Смотрел он не в лицо, а куда-то в живот.

– У меня убийство, – сухо, коротко сообщил Саня, не собиравшийся при всяких там секретаршах оглашать цель своего визита.

– Убийство? – продолжая обшаривать Саню, сосредоточенным взглядом, спросил Новицкий. – Какое убийство? Я пока вижу только гастрит. В смысле, убийство? – очнулся он неожиданно. – Вы не на лечение?

– Нет, – закатывая глаза, сообщил Саня. – Я не на лечение.

– В таком случае пройдемте, – пожимая плечами, предложил Новицкий. – Хотя я ничего не понимаю.

Они прошли в самый дальний конец офиса и вошли в небольшой, скромно, но добротнo обставленный кабинет. В нем не было ничего напоминающего о медицине или целительстве. Обычный безликий офисный кабинет. Рабочий стол, кресло, несколько закрытых шкафов и несколько стульев для посетителей.

– Присаживайтесь, слушаю вас, – занимая место за рабочим столом, пригласил Новицкий. – О каком же убийстве идет речь?

– Об убийстве Алексея Родионовича Ситникова, – решил не вилять Саня, прикидывая про себя, имеется ли хоть отдаленное сходство между Новицким и фотороботом предполагаемого убийцы, составленным со слов пухлой соседки Ситникова.

– Ситникова? Его убили?

– Значит, вы его помните? – тут же уцепился за слова Новицкого Саня.

– Разумеется. Он, можно сказать, мой крестный в профессиональном смысле, – с кривой усмешкой проговорил Новицкий.

– Это как понять?

– Если бы не он, я бы сейчас не сидел в сем славном кабинете, а трудился в клинике НИИ Алмазова, – вполне откровенно ответил хозяин кабинета.

– А разве это так плохо? По моим сведениям, когда-то вас карьера врача очень привлекала и место работы устраивало.

– Разумеется. Поскольку неведомо было иное, – пожал плечами Новицкий. – А кстати, как вы меня разыскали и откуда вам известно, что я работал в Центре Алмазова?

– О скандале с вашим увольнением мне рассказали в Первом меде, некто Эльвира Игоревна Кавинская, – простодушно сообщил Саня, наблюдая за выражением лица Новицкого.

– Неужто жива старая каракатица? – хлопнул ладонью по столу Новицкий. – А впрочем, таких, как она, ничто не берет. Эта всех похоронит. Это просто чугунная баба! Говорите, рассказала о моем «изгнании из рая»? Да, скандал был немалый. До сих пор вспоминать тошно. А тогда так вообще думал, что жизнь закончена; если бы не жена и дети, которых надо было на ноги ставить, так и вовсе спился бы, наверное, – глядя с кривой усмешкой куда-то в угол, рассказывал Новицкий. – Это была середина восьмидесятых. Старый строй еще не рухнул, новый только зарождался. На приличную работу с моей трудовой книжкой и громкой славой было не устроиться. Да и вообще никуда не устроиться. Врачом нельзя, а больше я ничего не умел. Спасибо приятелю, взял к себе в СП по закупке медицинского оборудования.

– А как вы целителем заделались? – бестактно поинтересовался Саня.

– На нервной почве, – на этот раз глядя в глаза Сане, ответил Новицкий. – Видно, из-за этой истории я пережил нешуточный стресс, слава богу, до инсульта не дошло. Но стресс был настолько сильный, что что-то такое перевернул в моем мозгу. А может, и в душе. Но я вдруг стал ни с того ни с сего ставить окружающим диагнозы. Знаете, вот как с вами, посмотришь на человека и понимаешь, что у того гастрит, у этого язва. У вон у того печень шалит, и так далее и тому подобное. А поскольку я все-таки врач, а не слесарь, диагнозы у меня выходили грамотные, и даже назначения действенные. И как-то незаметно пошло. Сперва знакомые этот мой дар заметили и принялись безбожно эксплуатировать. Делать длительные обследования, сдавать анализы, ездить на

осмотры кому охота, да еще и неизвестно, правильно диагноз поставят или нет? А тут зашел в гости, пять минут, и вопросы со здоровьем решены, – насмешливо развел руками Новицкий. – Затем потянулись знакомые знакомых, эти уже шли с дарами, потом с деньгами. А чем больше передо мной проходило пациентов, тем больше развивался мой неожиданный дар. И я понял, что могу не только определять недуг, но и корректировать состояние больного органа. Потом пришло понимание, что невозможно врачевать лишь тело. Суть наших недугов глубоко духовна, и если я изгоняю болезнь из одной точки организма, а перемен в человеке не происходит, она вылезет в другой точке. Не факт, что больному станет от этого легче, – рассказывал Новицкий, слегка покачиваясь в кресле. – Я совершенствовался. Больных становилось все больше, я бросил работу и сосредоточился на приеме страждущих. Пришел момент, когда я не смог принимать их дома. И пришлось снять небольшую квартиру, затем квартиру побольше, затем я смог открыть полноценный офис и взять помощницу. Затем у меня появился ученик, так, шаг за шагом, я подошел к тому, что имею.

– А тот тип, что вышел от вас, он тоже духовно совершенствуется? – с ехидцей спросил Саня, припомнив хамоватого типа, которого девушка Алиса назвала постоянным клиентом.

– Нет. Он не совершенствуется, – спокойно заметил Новицкий. – И именно поэтому он наш самый давний, самый постоянный пациент. И самый безнадежный.

– А вам не стыдно его обирать? – нахально поинтересовался Саня.

– Нет. Потому что я его не обманываю. Я многие годы пытаюсь объяснить ему суть его недугов, но он не желает меня слушать, а требует немедленно подлатать то, что болит сейчас, и так бесконечно. Это его выбор, а не мой. Так что же все-таки случилось с Ситниковым, или вы пришли интервью у меня брать о том, как развивался мой талант и бизнес?

– Вы правы. Ситникова зарезали в собственной квартире седьмого числа около часа дня. У вас есть алиби на это время?

– А наличие мотивов вас не интересует?

– Интересует, но алиби значительно больше, – не дал сбить себя с толку Саня.

– Седьмое. Пожалуй, что с алиби у меня будет напряженно. На работу в тот день я приехал после обеда, до этого был дома, один, потому как семья отдыхает на море. А что касается мотивов, так я скорее должен памятник поставить Ситникову, ведь именно ему я обязан своим нынешним процветанием.

– Да? А как насчет позора, краха надежд и прочего? Неужели все забылось?

– Нет. Но Ситников был не интриган и не мерзавец, подставивший меня, а честный человек, отстаивающий свои принципы. И, в конце концов, виноват был я сам. Я так стремился к успеху любой ценой, что не заметил, как эта цена стала ценой чужих жизней. И потом, он все же не дал посадить меня в тюрьму, спас от самого страшного, убедил родственников погибших и руководство, что я и так наказан достаточно.

– И вы ему благодарны? – насмешливо уточнил Саня.

– Да, и я ему за это благодарен. И, кстати, по поводу уважаемой Эльвиры Игоревны, – не без злорадства проговорил Новицкий. – Она вам не рассказывала, как долгие годы была влюблена в Ситникова, буквально с институтской скамьи? Преследовала его, навязывалась, всеми средствами пыталась затащить в койку, в загс, да хоть куда. Это началось еще в институте и не заканчивалось, по-моему, никогда. Когда мы работали вместе у Алмазова, Ситников от нее уже шарахался. Со временем ее болезненная страсть превратилась в манию, а затем уступила место ненависти. Он ею пренебрег! И, кстати, она же была замужем, и ее несчастный муж тоже хлебнул немало. Это был тихий невротик, безумно и совершенно необъяснимо влюбленный в свою кошмарную жену. С каким-то блаженным идиотизмом он был уверен, что это Ситников преследует бедную Элечку, – трясая головой, ехидно посмеивался Новицкий. – Сперва он ревновал, потом тихо мучился. Выяснял отношения с Ситниковым, тот всячески открещивался. А еще у Кавинских были дети, которым тоже досталось из-за болезненной страсти их мамы; они жили в обстановке вечных драм. В итоге Кавинские разошлись, очень болезненно, мучительно. Потому что в один прекрасный момент супруга Алексея Родионовича, она, кстати, педиатр, отбыла куда-то на работу на целый год. Может, даже в Афганистан, или в Индию, или в Африку? Не помню, но знаю точно, что помогать больным детям, и Кавинская, очевидно, решила, что это ее шанс. Она развелась со своим мужем и бросила все силы на штурм Ситникова; диву даюсь, как он вынес эту атаку? А Кавинский в это время, не стесняясь, бегал по парткомам, месткомам и так далее и строчил

доносы на Ситникова, к счастью, не подействовало – у Алексея Родионовича была безупречная репутация, а семейство Кавинских таковой не обладало. А еще брошенный супруг на каждом углу буквально завывал о своей ненависти к этому подлецу и Казанове Ситникову.

– А Ситников был казановой? – уточнил Саня.

– Нет. Но в молодости он был хорош собой. Высокий. Стройный, спортсмен, умница, успешный ученый. Что еще надо женщине? Так что у семейства Кавинских причин для убийства побольше, чем у меня. Особенно, если учесть психотип господина Кавинского, неуравновешенного невротика и психопата.

– А кем работает муж Кавинской, кто он по специальности?

– Специалист по рентгеновскому оборудованию. Инженер, наверное? Это вам проще у дражайшей Эльвиры Игоревны спросить.

– А мне она не показалась сумасшедшей, – с сомнением проговорил Саня. – Когда я ей сообщил о смерти Ситникова, она отреагировала весьма адекватно.

– А разве я говорил, что она законченная дура? Разумеется, она не станет вам демонстрировать собственные чувства. Это же чугунная баба, непробиваемая, упертая и весьма не глупая. Карьеру же она сделала, и весьма блестящую. Так что, если это она, поймать ее за руку будет очень непросто. Нервы железные, мужской ум, настырная, целеустремленная. Монстр, одним словом. Всю жизнь бедному Ситникову покоя не давала. Его все жалели, от главврача до последней уборщицы.

– Интересно, – протянул Саня, поднимаясь. – Что ж, не прощаюсь. Вот вам моя визитка, если у вас появятся мысли, идеи или алиби, звоните, – предложил он Новицкому, покидая кабинет.

А в животе и правда частенько побаливало, может, надо было спросить у целителя, что делать, пока гастрит в язву не перерос?

21 июня 1936 г. Ленинград

– Мама! Я дома, где ты? Мама? – Родион нервно стаскивал с ног тенниски. Мама должна быть дома, и с ней все в порядке, скороговоркой убеждал себя мальчик, стремительно несясь по коридору.

– Родя, ты уже вернулся? – выглянула с кухни Евдокия Андреевна.

– Мама, ты почему молчишь? Я же тебя звал! – едва не со слезами в голосе воскликнул Родион.

– Прости меня, сынок, я не сразу расслышала, окно в кухне распахнуто, а там как раз Маруся с подружкой визжали, да так громко! – торопливо вытирая руки о передник и спеша обнять сына, объяснила Евдокия Андреевна. – Прости меня. Ну, как там Митя с Верой, как Оленька?

– Нормально, – буркнул Родя, выбираясь из материнских объятий. – Ты зачем меня к ним отослала? Плакала, да? Или опять молилась?

– Не сердись, сынок, пока тебе этого не понять, – глядя на своего взрослого мальчика, мягко проговорила Евдокия Андреевна.

Как он вырос за последний год, уже ее перерос. Даже по голове теперь не погладить, вон какой вымахал. Худенький только.

– А к Мите вчера майор из уголовки приходил, – глядя куда-то в сторону, сообщил Родион. – Митя ему про перстень рассказал и про Распутина. – Он косо взглянул на мать, но та спокойно его слушала, и мальчик продолжил: – Он потом всех нас спрашивал, кому мы еще говорили о том, что перстень Распутиным подарен. Думаешь, он тоже верит?

– Андриан Дементьевич мудрый человек, он во всем разберется. А то, что Митя правду сказал, правильно сделал, – успокоила сына Евдокия Андреевна.

– А он к тебе тоже приходил? – догадался Родион.

– Да. Вечером. Мы долго с ним разговаривали. Его бояться нечего.

– Да я и сам знаю, – потрянул головой Родя.

– Откуда? Он тебе понравился?

– Не знаю. Я просто знаю, что бояться не надо, и все. Чувствую, – неохотно пояснил мальчик.

И Евдокия Андреевна улыбнулась. Чувствую. Это ты, сынок, думаешь, что чувствуешь, не понимаешь, глупенький, что ангел-хранитель подсказывает и отец Григорий бережет. Но вслух она этого не сказала.

– Иди руки мой, сейчас ужинать будем. Я сегодня щи варила.

Но уйти Родион не успел. Раздался звонок в дверь, от которого и Родион, и Евдокия Андреевна, не сговариваясь, вздрогнули и переглянулись, но мать первой пришла в себя:

– Иди, Родя, мой руки, я сама открою.

Но Родион пошел вслед за матерью. Накинув цепочку, Евдокия Андреевна открыла дверь.

За дверью стоял Боря Балабайченко.

– Здравствуйте, Евдокия Андреевна, привет, Родя, – солидно, сдержанно поздоровался Боря. Его большие карие глаза смотрели строго, по-взрослому, и сам он выглядел сдержанно-печально. – Евдокия Андреевна, я хотел Родю в кино позвать, там новый фильм идет, «Цирк» называется, с Орловой и Столяровым в главных ролях. Можно ему пойти?

– Нет, я не пойду, – поспешно выступив из-за маминой спины, отказался Родион. – Не до кино нам.

– Ну что ты, Родя, сходи, конечно, – не согласилась Евдокия Андреевна. – Только поешь сперва. Боря, ты проходи, поужинай с нами. А потом пойдете.

– Спасибо, Евдокия Андреевна, я уже ел. – Но Евдокия Андреевна, взглянув на худенького подростка с глубоко посаженными глазами и костлявым носом, слушать его не стала, а усадила за стол, отрезав кусок хлеба потолще и налив до краев тарелку щей.

– Ешьте.

– Я сегодня во дворе с одним типом разговаривал. Сказал, что из уголовного розыска, даже удостоверение показал, – доев суп, сообщил Боря. – Все расспрашивал, не видел ли я во дворе посторонних в тот день.

– А ты? – оживился Родя.

– Нет. Я в тот день вообще дома сидел. Дочитывал «Овода», мне Гришка Бегунков на два дня почитать дал. Сильная вещь.

– Да, я читал, – скисая, проговорил Родя.

– А что, нашли они уже... преступника, в общем? – смущенно спросил Боря.

– Нет, Боренька, пока не нашли. Но ты не волнуйся, обязательно отыщут. – При этих словах Евдокия Андреевна твердо взглянула на сына.

– Думаешь, правда убийцу найдут? – спускаясь по лестнице, спросил у друга Борис.

– Не знаю, – покачал понуро головой Родион. – Ходят, чего-то спрашивают. А только мне кажется, не там они ищут.

– Почему?

– Да потому, что вчера, например, когда я у Мити был, майор к нам приходил, он у них самый главный, так вот он все нас про Распутина и перстень расспрашивал. Помнишь, я тебе рассказывал, как Распутин матери перстень подарил?

– Ну, помню чего-то.

– Так вот они, по-моему, будут сейчас того искать, кто во всякие глупости верит, а мне кажется неправильно это! – решительно рубанул воздух Родион. – Не так надо. И свидетелей они найти не могут, а это тоже ерунда.

– Правильно, Родька! А давай сами это дело расследуем? – горячо предложил Борис. – И знаешь еще что? Они чужих ищут, а это мог кто-то из своих сделать.

– Кто? Мы, что ли, с матерью?

– Да нет. Я про соседей. Вот, например, Мишка Зубков, сосед наш, та еще сволочь, этот не только за перстень, за булавку горло перегрызет.

– Так его же арестовали еще осенью, – шепотом проговорил Родион.

– Да, я знаю, – с некоторым сожалением проговорил Борис. – Но это я так, для примера.

– Ладно, давай. А с чего начнем?

– Сперва ребят наших расспросим, что кто видел, те могут родителей расспросить, – предложил Борис.

Яков Чубов энергично шагал по мостовой, строго глядя в лица встречающих прохожих, таких же собранных, серьезных, как и он. Яша играл в сыщика. Он пристально вглядывался в идущих ему навстречу людей, пытаясь угадать по их виду, кто они, кем работают, что за характер, есть ли дети. А иногда удавалось угадать и более конкретные вещи. Вот, например, этот тип в шляпе с парусиновым портфелем и брюзгливым выражением лица. Наверняка склочник и скряга. Рот кривой, глазки маленькие, смотрят с прищуром, одежда заношенная, но аккуратная, значит, еще и педант, рука в портфель вцепилась, не вырвешь. Точно скряга. И цвет лица нездоровый, наверняка свою желчь на всяких кляузных бумажках изливает. А вот эта девушка в белой блузке наверняка комсомолка и спортсменка. Вон осанка какая, и смотрит решительно и прямо. Так честные люди смотрят. Эта, наоборот, фифа. На жоржетах-маркезетах.

Яшина сестра Леля о таком платье только мечтать может. А эта вырядилась, и туфли у нее на каблуке, и губы покрашены. Значит, либо жена большого начальника, либо актриса какая-нибудь. А то еще какого-нибудь хапуги женушка. Это даже скорее. У начальников жены пешком редко ходят, их все больше на машинах с личным водителем возят.

Конечно, заключения Яши были примитивны и поверхностны, и даже его любимый литературный герой Шерлок Холмс разнес бы их в пух и прах, а пожалуй, что и майор Колодей, но Яша своими наблюдениями делиться ни с кем не собирался, держал их при себе, догадываясь в душе о собственном несовершенстве. Зато в таких вот забавах он незаметно прошагал Владимирский проспект. Яша любил ходить пешком, идешь, воздухом дышишь, по сторонам глазеешь, не то что на подножке висеть. Ходил он быстро, росту был высокого, ноги у него были длинные, шаг широкий, но до Четвертой Красноармейской было еще шагать и шагать, а потому, видно, все же придется на трамвае прокатиться. И Яша поспешил перейти улицу.

Родион Платонов учился в семнадцатой полной средней школе на улице Бронницкой. На дворе стоял конец июня, все испытания школьниками были уже выдержаны, и детвора отправилась на каникулы, но педагоги и директор непременно должны работать, рассуждал Яша, открывая тяжелую дубовую дверь. В школе царили прохлада и гулкая неживая тишина. Если сейчас крикнуть, подумал Яша, то эхо, наверное, пойдет гулять по коридорам, теряясь вдали. Но нарушить гулкое безмолвие глупой мальчишеской выходкой Яша не решился, а, тихонечко ступая, на цыпочках отправился искать кабинет директора и учительскую.

– Эй, а ну-ка стой! – раздался у Якова за спиной неожиданно громкий, грозный голос. – Ты кто такой, чего надо?

Яша обернулся и увидел спешащую к нему по коридору уборщицу в сером халате, белой косынке, со шваброй наперевес.

– Кто такой, говорю, чего надо? – повторила запыхавшаяся от быстрой ходьбы гражданка.

– Я из уголовного розыска, – доставая из нагрудного кармана удостоверение, важно сообщил Яков. – Чубов моя фамилия. Проводите меня к директору.

– К директору? Из уголовного? – побледнела уборщица. – Да что же это случилось? Да за что? А! Неужто завхоз подвел? А? Это из-за дров, да. Из-за дров? – запричитала уборщица, роняя швабру и обхватывая руками свои морщинистые щеки.

– Нет. Я пришел по другому вопросу, – попытался прервать ее вой Яков. – Проводите меня к директору или просто скажите, где его кабинет. – Второе, пожалуй, было бы предпочтительнее; слушать всю дорогу до кабинета причитания сердобольной уборщицы Яков не хотел.

– По другому? – поднимая швабру, озадачилась уборщица. – Пойдем, провожу. Меня, кстати, тетя Граня зовут. А что ж тогда, если не завхоз? Но ты, милоч, директора нашего не обижай, хороший он. Честный, копейки лишней ни-ни. И все по правилам, и в школе порядок, и с детьми, и учителя, если что, тоже хорошие, – не умолкая ни на минуту, вела Якова по широкой лестнице уборщица. – А уж за чистотой я слежу, тут можешь не сумлеваться, у меня завсегда все намыто, а зимой в галошах никого дальше вешалок отродясь не пускала. Ну вот, пришли, – останавливаясь перед кабинетом с табличкой «Директор школы Соболев Н. К.», сообщила тетя Граня. – Николай Кириллович, тут к вам из уголовного розыска, – опережая Якова, просунула голову в кабинет шустрая уборщица. – Проходите.

– Добрый день, товарищ, – поднялся навстречу Якову подтянутый седоволосый усач, чем-то похожий на Максима Горького, чей портрет он только что видел в коридоре. – Чему обязан?

– Добрый день. Чубов Яков Михайлович, оперуполномоченный уголовного розыска, – протягивая директору руку, представился Яков.

– Соболев Николай Кириллович. Присаживайтесь. Слушаю вас, – стараясь не выдать волнения, предложил директор.

– Несколько дней назад у вашего ученика Родиона Платонова был убит отец, мы ведем расследование. В этой связи хотелось бы поговорить с его учительницей Савченковой Галиной Гавриловной и вожатым Славой, фамилии не знаю.

– У Роди отца убили? Какая трагедия! – мгновенно бледнея, воскликнул директор. – Я хорошо знаю этого мальчика. Он учился у нас, когда я еще не был

директором. Я вел у него географию. Такой воспитанный, спокойный мальчик, и учится хорошо, и общественник. Как же так? Как же они теперь? Надо же что-то делать, – забыв про Якова, рассуждал вслух Николай Кириллович. – Сегодня же к ним схожу. И ребят попрошу, чтобы не бросали его одного. Убили! Какая трагедия! Но как же это случилось? Напали хулиганы на улице?

– Извините, не имею права обсуждать такие детали, – строго, по-взрослому, ответил Яков, испытывая непонятный трепет в директорском кабинете, словно его, напавшего школьника, вызвали для нагоняя. – Мне бы с Савченковой побеседовать, – напомнил он усатому директору.

– Ах да, да, конечно. Простите. Тетя Граня! – крикнул он, поворачиваясь к двери, и тут же на пороге, словно по волшебству, появилась уборщица. – Тетя Граня, пригласите к нам Галину Гавриловну, она должна сейчас быть в библиотеке. Учебники по русскому и литературе разбирает, – пояснил он Якову.

Галина Гавриловна оказалась совсем молоденькой девушкой, в белом платье и парусиновых туфельках с белыми носочками. Не старше Якова. На улице он принял бы ее за студентку. Ребятам с такой молодой учительницей, наверное, весело и в походы ходить, и сборы проводить, и песни у костра петь. Лицо у Галины Гавриловны было открытое, румяное, с задорным курносый носиком и россыпью веснушек на носу.

– Вызывали, Николай Кириллович?

– Присаживайтесь, Галина Гавриловна, это вот товарищ из уголовного розыска по поводу Родиона Платонова.

– Роди? А что с ним случилось? – мгновенно встревожилась Галина Гавриловна.

– Отца у него убили, – вздохнув, пояснил директор, то и дело одергивая свой старенький полосатый костюм, в который, как показалось Якову, навсегда вьелся школьный мел.

– Какой ужас! Я сегодня же схожу к нему. И ребят соберу, установим над ним шефство, – озабоченно планировала Галина Гавриловна.

– Я думаю, что шефство над ним устанавливать не надо, – мягко остановил ее директор. – Все-таки это не двойка за контрольную. Такое глубокое горе надо пережить.

Яков взглянул на чуть обиженное лицо учительницы.

– У Родику есть мать, уверен, им не хочется обсуждать случившуюся трагедию с чужими людьми, – продолжил Николай Кириллович.

– Это не чужие люди, это товарищи... – горячо перебила директора Галина Гавриловна.

– И все-таки, – мягко, но настойчиво возразил директор, – достаточно будет, если Родиона сейчас поддержат несколько самых близких друзей. Есть у него такие?

– Да, – несколько обиженно проговорила Галина Гавриловна, по ее голосу чувствовалось, что в душе она не согласна с директором. – Боря Балабайченко, они на одной лестнице живут. Толя Смородин и Лида Иванова, они все втроем еще с детства дружат.

– Вот и достаточно, – кивнул головой директор.

– Галина Гавриловна, а вы лично знали отца Родиона Платонова? – встрял наконец в их разговор со своим вопросом Яков.

Девушка отчего-то покраснела и, украдкой взглянув на директора, ответила:

– Да, я знала Алексея Ивановича. Три года назад у меня очень тяжело болела мама. У меня никого нет, кроме нее. Врачи ничем не могли помочь, нужных лекарств было не достать. Я была в отчаянии, – вскинув на Якова карие сверкающие глаза, объясняла Галина Гавриловна. – Однажды я расплакалась прямо в классе. Нет, нет, не на уроке, – поспешила она объяснить Николаю Кирилловичу. – Это было уже поздно вечером, в школе почти никого не осталось, я проверяла тетради у себя в кабинете и не сдержалась. А тут вошел Родион. Он что-то забыл в классе. То ли учебник, то ли дневник, и специально вернулся за ним в школу. Он спросил, почему я плачу, а мне было так плохо, так тяжело, что я все ему рассказала. Мне просто необходимо было выговориться! Простите.

– О чем вы говорите, Галина Гавриловна, почему же вы сразу же не пришли ко мне? Мы бы что-нибудь придумали, мы бы помогли, поддержали, – горячо воскликнул директор.

– Извините. Но просто о таких вещах тяжело говорить с посторонними, понимаете, это... Слишком личное, это семейное... – бормотала Галина Гавриловна, а потом, вдруг что-то сообразив, виновато взглянула на директора: – Простите. Вы правы.

– Ничего, – улыбнулся он ей, – это от неопытности. Так что там было с Родионом?

– Он сразу же повез меня к отцу в больницу. Алексей Иванович согласил осмотреть мою мать, а затем настоял на госпитализации. Он сам занимался ее лечением, доставал лекарства и, в конце, концов, поставил ее на ноги! Если бы не он... – Галина Гавриловна так расчувствовалась, что даже шмыгнула несколько раз носом. – Кроме мамы, у меня никого больше нет.

– Ну-ну. Галина Гавриловна, держите себя в руках, – укоризненно заметил директор.

– А вы не замечали у Алексея Ивановича на руке старинного перстня? – не поддался на сиропную историю Яков.

– Перстень? – переставая шмыгать, переспросила учительница. – Не помню. А при чем тут перстень?

– А вы не помните, года два назад в походе Родион рассказывал ребятам семейное предание об этом перстне, который его матери подарил сам Распутин?

– Ах, вот вы о чем! – сообразила Галина Гавриловна. – Да, теперь припоминаю. Я видела перстень, и Родион действительно рассказывал о нем какие-то небылицы. Но вы ведь понимаете, что все это выдумка? Как я поняла, этот перстень Алексею Ивановичу подарила жена. Обычный такой перстень. Квадратный, с синим камнем. Ничего особенного. Конечно, я считаю, что мужчине такие украшения ни к чему, вообще не стоит засорять жизнь мещанским хламом, потому что он не дает свободно развиваться личности. И мы, как строители коммунизма и граждане первой в мире страны...

– Гм-гм, – прокашлялся директор, прерывая монолог Галины Гавриловны который грозил затянуться. – Простите, Галина Гавриловна, это у меня астматическое, – пояснил Николай Кириллович, поймав на себе недовольный взгляд учительницы.

Яков ему был благодарен. Устраивать диспут он не собирался.

– Галина Гавриловна, вы можете написать мне список тех ребят, кто тогда был в походе?

– Могу, а зачем это надо? – с любопытством спросила учительница.

– Это нужно для следствия, – неопределенно ответил Яков.

– Хорошо, идемте. Вы позволите, Николай Кириллович? – поднимаясь, уточнила Галина Гавриловна.

– Конечно, конечно. Желаю удачи, молодой человек, – поднимаясь из-за стола, пожелал директор. – Надеюсь, вы поймаете преступника. А мы со своей стороны готовы помочь чем угодно.

Галина Гавриловна привела Якова в учительскую, здесь царила аскетическая простота. Посреди комнаты стоял длинный стол, окруженный старенькими разномастными стульями, в углу книжный шкаф, еще несколько стульев были расставлены вдоль стен. А в углу из-за шкафа торчали скрученные в рулоны географические карты. Почти так же выглядела учительская в школе Якова, только стены в ней были покрашены в синий цвет, а в этой учительской они были зелеными.

– Проходите, присаживайтесь, – предложила ему Галина Гавриловна, подходя к шкафу и доставая журнал. – Скажите, вас, кажется, Яков зовут? – улыбаясь дружеской славной улыбкой, уточнила Галина Гавриловна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleynikova_yuliya/persten-grigoriya-rasputina

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)